Н. Андреев

Развитие первобытной культуры.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ КО 2-му ИЗДАНИЮ.

Моя книга представляет собою общедоступный очерк истории первобытной культуры. Он предназначен для тех, кого смущают размеры или затрудняет язык таких капитальных трудов по этому предмету, как книги Шурца или Обермайера, Мортилье или Нидерле. В моей книге я даю минимум необходимых сведений из этой области знаний. Овладев этим минимумом, читатель уже перестанет страшиться «толстых» книг и, если у него будет время и желание, он обратится для углубления и расширения своих знаний к трудам, перечень которых помещен в конце этой книги.

Материал, затрагиваемый обычно историей первобытной культуры, я расположил частью в хронологическом, частью в систематическом порядке (т.-е. в порядке рассмотрения отдельных вопросов).

Старый и новый каменный век и бронзовый век — такова хронологическая последовательность в развитии человеческой культуры древнейшего ее периода. Но существо затрагиваемых вопросов не дает возможности держаться строго этих рамок. В интересах наилучшего выяснения таких вопросов, как вопросы о развитии торговли и промышленности, речи и письменности, власти и верований, я считал целесообразным устранить

хронологические рамки, придерживаясь, однако, строго границ доисторического периода. Не думаю, что это обстоятельство в какой бы то ни было степени может мешать читателю легко и быстро овладеть содержанием книги. Наоборот, я думаю, что именно такой способ изложения истории первобытной культуры дает возможность читателю лучше выяснить себе и основные проблемы этой науки и практикуемые в ней методы их решения. И это в том отношении еще важно, что в разных «историях», с которыми ему придется потом иметь дело, он наткнется или на почти исключительно хронологическое изложение, либо на почти исключительно систематическое, либо на то и другое вместе.

Март 1923 г.

Ник. Андреев.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 3-му ИЗДАНИЮ.

В настоящее издание внесены некоторые поправки и изменения. Глава о верованиях людей палеолита совершенно переделана. Написана заново и глава о развитии древнейшей власти. Все остальное носит характер поправок и небольших дополнений.

Декабрь 1925 г.

Н. А.

I.

Древность человеческого рода.

Человек появился на земле в бесконечно отдаленные времена. Это было много десятков тысяч лет тому назад. В те времена все на земле было иное, чем ныне: иные моря, иные горы, иные растения и животные, иной климат. С того времени на земле произошли огромные перемены. Вообще, надо сказать, что еще до появления человека земля уже не однажды меняла свой вид.

Вначале не было на земле ни растений, ни животных. Лишенные растительности скалы торчали из воды, где не было ни одного живого существа. Это время—миллионы лет тому назад—ученые назвали архейской (т.-е. древнейшей) эпохой в истории земли.

Постепенно, однако, скалы покрывались почвой, на ней появилась первая растительность, а в воде—разные водные животные. И растения и животные были очень простого устройства. Это время имеет название первичной эпохи.

Потом наступила вторичная эпоха, когда на суше выросли дремучие леса, состоявшие из огромных папоротников и хвощей, и появились разные гигантские страшилища, которых теперь уже нет ни в одной стране.

За вторичной эпохой наступила третичная.— Это было время появления животных млекопитающихся. Полагают, что именно в эту эпоху впервые появились на земле люди. Затем наступила на земле четвертичная эпоха, непосредственно предшествующая современной нам эпохе.

В течение каждой эпохи суша и моря на поверхности земли сильно меняли свой вид, размеры и положение.—Там, где в течение одной эпохи шумели морские волны, в последующую эпоху возвышались огромные горы или простирались необозримые равнины. Менялся и климат, менялся растительный и животный мир.

В течение третичной эпохи наша часть света — Европа — была очень теплой, почти жаркой страной. На самом крайнем севере росли пальмы, которые теперь встречаются, да и то редко, только на крайнем юге Европы. По лесам бродили слоны, мастодоны; в реках плавали гиппопотамы. В начале этого периода жили особые, теперь уже нигде не встречающиеся обезьяны, предки человека. В науке они известны под названием человекоподобных обезьян. От них путем постепенного изменения и произошли люди.

Человекоподобные обязьяны жили на деревьях, отлично лазали по ним, пользуясь своими четырьмя руками. Но вот постепенно климат в Европе стал охлаждаться, а леса начали редеть. Обезьянам все чаще и чаще надо было слезать с дерева и ходить по земле. Мало-по-малу, в течение целого ряда поколений, в строении тела этих обезьян обнаружилась значительная перемена: они приучились ходить на задних конечностях и держаться прямо. Задние конечности стали ногами, а передние той парой рук, которые так много помогают человеку в его делах.

Так появилось новое животное — наполовину человек, наполовину обезьяна.

Один голландский ученый, Дюбуа, еще в начале 90-х годов прошлого века откопал остатки скелета такого получеловека-полуобезьяны на острове Яве (к югу от Азии). Судя по этим остаткам, когда-то жили на земле существа, очень близко похожие, с одной стороны, на обезьян, а с другой — на людей. Но это еще не были люди в полном смысле этого слова.

Впрочем, далеко не все ученые согласны в том, что Дюбуа нашел кости человекообезьяны. Многие думают, что это кости вымершей породы обезьян. Но, если кости человекообезьяны и не найдены, то все же мы должны предположить, что когда-то такое существо действительно жило на земле.

Пока предки человека ходили на четвереньках, они не могли действовать руками. Но как только пара передних конечностей освободилась от обязанности поддерживать тело, животное стало употреблять ее на разного рода другие занятия. Постепенно руки сделались главнейшим рабочим органом человекоподобного существа. В этом отношении оно превзошло всех других животных, так как при помощи рук оно получило возможность не только хватать и ломать разные предметы или бросать ими, но и обделывать их, как ему хотелось. Обладая парой рук, человек стал выделывать и орудия для работы, что поставило его выше всего животного мира, так как открыло перед ним бесконечный путь дальнейшего развития. Недаром говорят, что человек есть животное, делающее орудия. Обладание руками, следовательно, помогло человекоподобному существу подыматься все выше и выше в своем развитии и стать над всем животным миром.

Упрочившись на задних конечностях и выпрямив свое тело, человекоподобное существо тем самым поставило свою голову в положение, благоприятное для развития мозга.

Постепенно совершенствуясь телесно и умственно, сделались эти человекоподобные существа настоящими людьми. Когда и как это произошло, нам неизвестно. Надо думать, что большую роль в истории появления человека сыграла борьба с суровой природой.

Известно, что к концу третичной эпохи климат в Европе, Азии и Америке стал холодным. С севера стали надвигаться льды. В течение многих сотен и тысяч лет продолжалось это движение льдов с севера на юг. Постепенно половина Европы оказалась погребенной под ледяным покровом огромной толщины. Разумеется, по мере охлаждения климата, привыкшие к теплу растения вымирали, а животные уходили все дальше и дальше к югу. Труднее становилось жить, и человекоподобное существо, чтобы не погибнуть, вынуждено было либо уходить все дальше на юг, либо постепенно приспособляться к изменяющейся жизненной обстановке. Все больше и больше стало оно охотиться за разным мелким и крупным зверем. Все лучше научалось оно пользоваться камнем и палкой, чтобы метать ими в зверя, копать землю, разбивать кости. Его умственные способности изощрялись, крепли, и оно все меньше походило на своих предков—обезьян. Так медленно, но неуклонно человекоподобное существо превращалось в человека.

Громадный шаг вперед сделали люди, когда научились разводить огонь. Это было величайшим открытием древности. Огонь дал в руки человека могучее средство борьбы с холодом, голодом и дикими зверями. Сидя

в пещере около костра, люди могли предохранить себя и от сырости и от мороза. Поджаривая на костре рыбу, мясо и клубни растений, они готовили себе съедобную пищу. Огнем костров они отпугивали от своего становища диких зверей.

К сожалению, точно мы не знаем, где, в какой части света, в какой стране первоначально жили люди. Очень вероятно, что люди появились не в одной какой-либо стране, а в нескольких.

Не знаем мы и того, как произошли те различные народы, которые населяют в настоящее время землю. Это могло произойти и оттого, что в очень давние времена первобытные люди в поисках за лучшей жизнью разбрелись в разные стороны. Они проникли во все уголки земного шара. Но природа не всюду одинакова. И эта неодинаковая природа различно действовала на людей. Оттого, вероятно, и произошли такие различные народности, как европейцы и негры, китайцы и индейцы — белые, черные, желтые, красные люди. Но это различие может быть существовало и с самого начала, благодаря тому, что они более или менее одновременно появились в разных странах.

II.

Как изучается древнейшая человеческая культура.

Долгое время считали, что историю человечества можно изучать на основании записей и преданий. Однако, оказалось, что есть такие отдаленные времена, о которых в памяти народной не сохранилось даже преданий. О письменных документах нечего и говорить: в те времена никаких записей не велось, так как люди еще не умели писать.

Эти отдаленные времена, эта седая древность были эпохой, когда люди делали первые попытки выбраться из звериного состояния, создать человеческую культуру. Что значит культура? Это все те знания, уменья и свойства, которые облегчают людям их жизнь, давая им власть над природой и помогая им возможно удобнее налаживать взаимные свои отношения; это также все ими созданное — жилище, одежда, орудия, украшения. Изучая развитие человеческой культуры, мы познакомимся с успехами людей в области открытий и изобретений, с возникновением их верований, с появлением у них власти, с изменением их взглядов и наклонностей.

Но как же узнаем мы что-либо о той культуре человеческой, которая для нас является самой древней?

Откуда берем мы о ней сведения? Ведь, как уже сказано, никто никаких записей в те отдаленные времена не вел и никаких следов в памяти народной об этих временах не сохранилось!

Наука применяет два главных способа изучения древнейшей человеческой культуры: исследование различных изделий древнейших людей, находимых в земле, и изучение жизни диких народов, еще и ныне проживающих в некоторых странах.

В разных местах Европы и других частей света издавна находили в земле куски камней и костей, обра-

Рис. 1. Кремневые острия. Орудия старого каменного века.

ботанных руками человека. Долгое время никто не думал, однако, что это изделия людей.

На эти изделия смотрели, как на «игру природы» или же как на какие-то чудодейственные предметы, обладающие таинственной целебной силой. Так, в 1081 году византийский император Алексей Комнин послал германскому императору Генриху IV среди других ценных подарков также и древний каменный топор. Он был, по повелению императора, вставлен в золотую оправу

и назывался «небесным топором». Еще в XVII веке нередки были случаи, когда каменные изделия древности носились под платьем для лечения от некоторых болезней. Славяне называли каменные наконечники стрел и копий громовыми стрелами, а германцы именовали каменные топоры «топорами Тора» (Тор—бог древних германцев). В средние века многие думали, что каменные изделия—работа ведьм. И лишь со времени открытия Америки такой взгляд на эти находки стал постепенно меняться. В Америке, а затем на островах Великого или Тихого океана европейцы увидели у тамошних обитателей топоры, молотки, ножи и скребни, сделанные из камня. Металлических изделий дикари делать не умели. Тогда среди ученых Европы утвердилось мнение, что в Европе также некогда обитали дикари, изготовлявшие свои орудия из камня.

В XVIII веке под влиянием этой мысли стали усердно искать следов древнейших обитателей Европы в пещерах, расселинах скал и других укромных местах. Но наука о первобытной культуре человека стала на прочный фундамент лишь в XIX веке. Три больших открытия сыграли при этом значительную роль. В 1878 г. французский ученый Буше-де-Перт нашел в наносах реки Соммы (в северной Франции) множество орудий из кремня, сделанных рукою человека. В то время еще и среди ученых господствовало убеждение в правильности библейского сказания о всемирном потопе. Поэтому Буше-де-Перт полагал, что он нашел следы людей, живших до потопа, следы допотопных людей. Наука отвергла мысль о всемирном потопе; поэтому и мнение Буше-де-Перта о допотопном человеке было ошибочным. Но ценность находок этого ученого этим ничуть не ума-

ляется: найденные им кремневые изделия действительно принадлежат тем древним обитателям Европы, о которых не сохранилось в истории никаких иных следов, ни письменных документов, ни устных преданий.

Вторым важным открытием было нахождение в Дании, так-называемых, «кухонных куч». Это огромные кучи мусора, состоявшего из обломков раковин и костей, среди них попадается много каменных и роговых осколков. Кучи эти навалены древнейшими людьми, обитателями тех местностей. Питаясь рыбой, птицей и ракушками, люди остатки своей еды бросали в одно место, отчего с течением времени и образовались кучи, прозванные ныне кухонными. Это открытие было сделано в 1848 году.

И, наконец, третье важное открытие сделано было в Швейцарии в 1853 году. Недалеко от берега, на дне Цюрихского озера были найдены остатки свайных построек, сделанных первобытными обитателями Европы. Это отдельные домики и целые деревни, построенные в некотором отдалении от берега. В дно озера вбивались огромные бревна—сваи; на них делался бревенчатый же настил, на котором и воздвигались деревянные хижины. От этих хижин остались лишь жалкие следы, но настил и сваи во многих местах сохранились, занесенные песком и илом. А среди них сохранилось множество изделий: топоров, молотков, игл, корзин, горшков и даже кое-какие семена, не говоря о разбитых и обугленных костях животных.

Все эти находки были тщательно изучены, и таким образом было положено прочное основание науке о древнейшей человеческой культуре. В настоящее время наша наука располагает уже множеством точных и по-

дробных описаний находок, сделанных в разных странах Европы, Азии и Америки.

Изделия древнейших людей находят в наносах рек, в пещерах, в кучах, похожих на холмы, в могилах, в глубине земли и даже на дне озер. Наука выгребает весь хлам на белый свет и подвергает его тщательному изучению. Пепел и угли, находимые в таких местах, служат несомненным доказательством, что люди в те времемена уже умели разводить огонь и готовить на нем пищу. Разбитые и обожженные кости животных, рыб и птиц говорят о том, чем люди тогда питались. Осколки изделий свидетельствуют о первобытной технике.

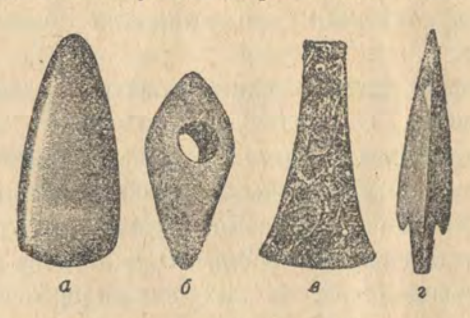

Рис. 2. Орудия из камня, сделанные в новом каменном веке.

Изучая остатки орудий, можно заметить, что одни из них сделаны довольно плохо, другие, наоборот, обладают очень хорошей, даже изящной отделкой. На этом основании необходимо думать, что орудия менее совершенные, более грубые, относятся к более ранней, более совершенные—к позднейшей эпохе. Обыкновенно различают две главных эпохи древнейшей культуры—эпоху, когда орудия выделывались из камня, и когда они стали выделываться из металла: каменный век и век металла.

вся вода испарилась, и на ее месте остался слой туфа, Далее, под туфом лежал темнобурый слой мха, поражавшего своим свежим видом. Под ним шел толстый слой крупного песку (гравия). В этом-то мху и находилось много костей, каменных изделий и других следов пребывания человека. Благодаря мху и тонкому илу, который обволакивал собою мох и все, что в нем лежало, и кости, и камни, и угли, и зола—все это сохранилось удивительно хорошо. Части костей, высунувшиеся из мха и попавшие в туф, полуистлели, а оставшиеся во мху—сохранились в полной неприкосновенности.

Покрытое мхом место оказалось ямой в 40 кв. сажен поверхностью и в пол сажени — три четверти сажени глубиною. Она находилась в ледниковом наносе. По предположению Фрааса, это была яма, куда древнейшие обитатели этой местности бросали остатки своей кухни и обломки своих изделий.

Изучив мох, Фраас пришел к убеждению, что это мох, ныне встречающийся только на дальнем севере. Следовательно, в те времена, когда он рос в этих местах, здесь был суровый северный климат. Изучение костей, найденных во мху, установило, что они принадлежат северному оленю, полярной лисице, рассомахе, волку, медведю. Олень и полярная лисица — обитатели приполярных стран. Нахождение их костей опять-таки свидетельствует, что в те времена, когда яма с мхом наполнялась всякими отбросами, в Шуссенкриде господствовал северный климат. Многочисленные остатки каменных и костяных орудий, уголь и зола, следы разбития костей и их обжигания свидетельствуют о проживании здесь человека. Все говорит за то, что тогдашние люди жили в ледниковую эпоху вблизи огромных масс льда

и снега, в соседстве с северным оленем, за которым они охотились.

Однако, путем раскопок мы узнаем только внешнюю сторону жизни древнейших людей. Их верования, нравы, обычаи, их общественный строй остаются для нас тайной. К счастью, наука нашла средство пролить свет и в эту область древней культуры, изучая жизнь современных дикарей. Еще в XVIII веке разные ученые указывали на большое сходство между каменными и роговыми изделиями древних обитателей Европы и современных дикарей. Отсюда, естественно, возникла мысль, что нравы и верования современных дикарей должны быть так же похожи на нравы и верования первобытных людей. Так, во время раскопок могил каменного века часто находили вместе с костяком покойника в гробу некоторые изделия и даже горшки с истлевшими остатками пищи. Для чего первобытный человек таким способом «обряжал» покойника? Мы не могли бы ответить на этот вопрос, если бы не знали, что так же хоронят своих покойников многие дикие народы наших дней. Они верят, что человек будет вести загробную жизнь и что там ему понадобится его оружие. А чтобы он не проголодался во время продолжительного пути на тот свет, ему в могилу ставят некоторый запас пищи. Ясно, что таким же образом должны были рассуждать первобытные люди, хороня своих покойников тем же способом, как их хоронят современные дикари. Вот почему изучение жизни современных диких и полудиких народов считается одним из необходимых способов проникнуть в тайны далекого прошлого. Само собою разумеется, что не все, что мы находим у нынешних дикарей, было и у первобытного человека. Но в общем

и целом культура нынешних дикарей воспроизводит культуру первобытных обитателей земли. Наука, изучающая быт и нравы современных, главным образом, диких и полудиких народов, называется этнографией.

К этому, этнографическому способу изучения первобытной культуры тесно примыкает изучение, так-называемых, «пережитков». Так, напр., в Англии господствует поверие, будто браки, заключенные в мае, всегда несчастливы. Те, которые так думают, не знают, откуда это поверие взялось. Между тем, оказывается, что у древних римлян существовало такое же поверие, которое, однако, было вполне понятно: в мае происходило у римлян поминовение душ умерших (Лемуралии). Английское поверие является пережитком римской старины. Теперь оно ни на чем не основано, но раньше оно было связано с верованиями и опиралось на них.—У многих народов существует обычай говорить: «будьте здоровы», когда кто-нибудь чихнет. Откуда взялся этот обычай? Оказывается, он является пережитком той древней веры, в силу которой объясняли все болезни кознями злых духов. Чихание—знак того, что злой дух сидит в человеке. И его близкие желают ему избавиться от беса, говоря— «будь здоров». Изучение таких пережитков сплошь и рядом проливает свет на далекое прошлое человеческой культуры. Знаменитый английский ученый Э. Тэйлор называет пережитки «рудниками исторического знания». Изучение этих «рудников» в очень большой мере помогло ему выяснить возникновение и развитие первобытных верований.

Таковы те главные способы, при помощи которых наша наука восстанавливает перед нашим умственным взором картину древнейшей человеческой культуры.

III.

Открытие огня.

Искусство получать огонь, разводить его вновь после того, как он потухнет, надо считать первым и величайшим из приобретений человеческой культуры. Нам трудно, прямо невозможно, вообразить себе, что было бы с людьми, если бы они не ознакомились с этим искусством. Все наше благополучие основано на пользовании теплом и светом огня. Но было время, когда люди не знали огня. Правда, самые древнейшие из следов человека на земле, сохранившиеся до нашего времени, свидетельствуют о том, что люди древнего каменного века уже умели разжигать костры. Ясно, однако, что их предки должны были до этого искусства дойти: не снабдил же их господь-бог готовым огнем с неба, как это говорится в религиозных преданиях разных народов.

Совершенно точно мы не можем сказать, как человек дошел до искусства добывать огонь, когда в нем была надобность. На этот счет возможны только разные предположения. Наиболее удачное предположение построил немецкий ученый Карл фон-ден-Штейнен. Его предположения или его теории мы и будем придерживаться. Его гипотеза (предположение) основана всецело на этнографических фактах.

Огонь у диких народов получают совсем иным способом, чем у нас. Когда у нас вытопят печь и закрывают трубу, в печке на другой день обыкновенно ничего не находят, кроме остывшей золы. Напротив, в очаге какого-нибудь австралийца или огнеземельца всегда под золой тлеют угольки. И если нужно развести огонь, они его получают, раздувая угольки. Они прилагают большие старания, чтобы огонь в очаге никогда не потухал, чтобы всегда в нем имелось несколько тлеющих углей.

Если же, вследствие небрежности или несчастного случая, огонь в очаге все-таки потухает, то стараются получить горящий уголек или непотухшую еще головешку у соседа, и таким путем вновь разводят огонь у себя. К искусственному способу получения огня прибегают лишь тогда, когда уж совсем нельзя его нигде позаимствовать. Один ученый, много путешествовавший по восточной Африке (Вейле) уверяет, что снаряды для добывания огня там встречаются крайне редко. Огонь горит в каждой негритянской хижине, пользуются им очень много и очень часто, но совершенно не чувствуют такой надобности в снаряде для добывания огня, как мы в спичках. При той заботе о сохранении огня, какую они проявляют, добывать его искусственно им приходится не очень часто. Можно поэтому сказать, что у негров мы имеем дело с неугасимым огнем. Но то же самое наблюдается в лесах и степях Америки, в дебрях Австралии и на островах Великого океана.

Но всем известно, что дикари ведут бродячую жизнь. Возможно ли при таких условиях поддерживать неугасимый огонь? Липперт говорит, что путешественники, посещавшие Австралию, очень удивлялись тому обстоятель-

ству, что австралийские дикари поддерживают постоянный огонь и всегда в своих путешествиях носят с собой зажженный кусок дерева.

Индейцы Северной Америки во время своих охотничьих походов также брали с собой в старые годы огонь. Для этой цели они употребляли трут, который поддерживали в тлеющем состоянии с утра до вечера и с вечера до утра.

Нередко для переноса огня с места на место дикари употребляли полые внутри палки или куски тростника. Внутри помещается тлеющий уголек и кусочек трута. У некоторых австралийских племен сохранилось даже предание о том, что они получили огонь с Востока в травянистом стебле.

Спрашивается, чем же объясняются все эти очень распространенные среди диких и полудиких народов способы сохранения огня в то время, когда они умеют уже получать его искусственно? Объяснить это можно только долгой привычкой поддерживать и хранить огонь. Привычка же эта, очевидно, возникла в то время, когда люди уже умели пользоваться огнем, но не умели его разводить. Итак, прежде чем научиться получать огонь искусственно, люди научились поддерживать в неугасимом состоянии огонь, каким-то образом полученный ими в природе. Когда у них не было не только спичек, но даже самого грубого прибора для добывания огня, то забота о сохранении огня была одной из самых насущных, самых важных жизненных забот. И когда, наконец, изобрели снаряд для искусственного получения огня, то все еще очень долго продолжали следовать старому обычаю поддерживать неугасимый огонь в очаге и в случае надобности заимствовать его у соседа.

Но откуда же взялась у человека самая мысль воспользоваться полезными свойствами огня? Очень возможно, что человек пришел к этой мысли благодаря лесным пожарам. Известно, что лесные пожары от молнии не редкость. В старые времена, когда в лесах было много высохших от дряхлости деревьев, пожары, вероятно, были еще чаще. Грозное зрелище бушующего огня сначала страшило человека и он, подобно прочим животным, в паническом страхе бежал от места пожара. Но, когда он возвращался на спаленные огнем места, он ощущал там, недалеко от груды тлеющих стволов, тепло, особенно приятное в прохладные ночи. Мало того, в золе ему попадались погибшие во время пожара мелкие звери, мясо которых, обжарившись, стало так мягко и вкусно, а также поджаренные или испеченные плоды и коренья, которые также оказывались на пробу куда вкуснее сырых. Достаточно было человеку случайно сделать такое открытие, чтобы затем он уже намеренно стал искать огня. А так как добывать его сам он не умел, то все свои силы направил на то, чтобы сохранить тот огонь, который давала ему природа.

Роясь в золе, поворачивая палкой тлеющие уголья и головешки, человек не мог не заметить, как загорается кончик его палки. Отсюда он заключил, что от головешки или углей можно получить огонь. Отсюда не далеко уже и до того, чтобы взять с пожарища головешку, принести ее в свое становище и развести там костер. Постоянная забота о том, чтобы огонь не потух как на месте, так и во время переходов, заставила его придумать и способы поддержания неугасимого огня дома и способы перенесения его на далекое расстояние.

Надо думать, что с огнем человек познакомился не

только благодаря лесным пожарам. Там, где действовали вулканы, люди могли научиться извлекать огонь из полузастывшей лавы. Известно, что выбрасываемая из кратера вулкана лава довольно быстро застывает на своей поверхности. По ней можно уже ходить, в то время как внутри под верхней корой лава находится еще в расплавленном состоянии. Просуньте через трещину в лаве палку вниз, и она загорится. Как и в случае с лесным пожаром, люди сначала могли только пользоваться теплом, исходящим от лавы. Но в конце-концов и здесь они научились получать из нее огонь и сохранять его. Те человеческие группы, которые раньше других научились пользоваться огнем, несомненно ушли в своем развитии дальше, опередили другие группы. Таким образом, уже в самую отдаленную эпоху между различными народностями возникло различие по их культурному уровню.

Многие тысячи лет пронеслись, прежде чем люди научились получать огонь искусственным способом. Чтобы уяснить себе тот путь, который привел к открытию этого важнейшего из всех искусств, необходимо принять в соображение тот факт, что, за малым исключением, среди нынешних дикарей огонь получается посредством трения двух кусков дерева. Трение производится разными способами: сверлением, пилением и т. д. Наиболее распространенным из этих способов является сверление. Снаряд состоит из двух палок, более толстой и твердой нижней и более тонкой и мягкой верхней. Нижняя находится в горизонтальном положении, верхняя в вертикальном. На нижней палке находится одно или несколько углублений. Сюда вставляется одним концом верхняя палка, сверло, и приводится в быстрое вращение. Тончайшая и горячая древесная пыль, получающаяся от

сверления, вылетает раскаленными искрами из углубления, и зажигает положенный рядом трут. Работает этим снарядом не всегда один, а иногда два й даже три человека вместе: один держит нижнюю палку, другой работает сверлом, третий во-время подхватывает огонь и раздувает его.

Этот простейший снаряд для получения огня в разных местах подвергался изменению и усовершенствованию (напр., у эскимосов). Но суть остается одна и та же: трение дерева о дерево.

Другим способом получения огня является высекание его из кремня. Казалось бы, способ этот гораздо проще. Но оказывается, что среди дикарей он распространен очень мало. Поэтому надо полагать, что люди получили искусственный огонь вначале именно путем трения двух кусков дерева. Как же они придумали это?

Забота о поддержании огня лежала тяжелым бременем на первобытном человеке. Необходимо было, во-первых, сохранить тлеющие уголья и головешки от потухания; нужно было, во-вторых, уменье быстро и легко раздуть огонь. Проливные дожди, сырость, необходимость без оглядки бежать от хищного зверя или неприятеля— все это одним ударом уничтожало плоды тяжких усилий и непрестанных забот. А главное — надо было всегда иметь под рукою легко воспламеняющийся горючий материал. Вот почему, наряду с охраной тлеющей головни или углей, люди не менее тщательно собирали и сохраняли все те растительные частицы, которые легко и быстро могли воспламеняться. Стружки, опилки, тонкие сухие щепочки — вот тот древесный материал, который был пригоден для того, чтобы раздуть тлеющий уголек. Что больше всего пригодно для этой цели, люди узнали

из опыта. Так, именно путем опыта люди убедились, что среди стружек, коры, опилок, щепочек самым подходящим для поддержания жизни в тлеющем угольке является буровая мука, т.-е. та древесная пыль, которая получается от сверления дерева зубом, раковиной, камнем, т.-е. теми орудиями, которыми первобытный человек располагал. Но наиболее пригодной оказалась древесная пыль, получаемая трением дерева о дерево, почему именно и устроен был тот сверлильный снаряд, который описан был выше.

Немецкий ученый К. фон-ден-Штейнен, большой знаток диких народов современности, пытается дать живое представление о том, как могли люди дойти до мысли получать огонь путем трения дерева о дерево. Это «была—говорит он—кучка жалких существ, бродивших по сырому лесу, которым угрожал потухнуть взятый ими с собою трут, а под рукою не было ни раковины, ни зуба или куска камня. Они отыскивали палку или разбивали полый стебель; чем суше было дерево, тем легче было измельчать и поджечь его. Усердно сверлили они одним куском дерева в другом, чтобы получить достаточное количество древесных опилок... Они были обрадованы открытием, что хотя деревянной палкой было труднее сверлить, но истертые таким образом опилки были тоньше и при этом сами тлели и дымились».

Попытки получить древесную пыль или муку посредством трения дерева о дерево были, вероятно, случайны. Но раз люди заметили, что при этом получается самовозгорание, они стали намеренно производить эту операцию. Таким путем и было достигнуто искусство получения огня по воле человека. Как уже сказано, это открытие имело огромное значение для человека. Теперь

он получал возможность всегда и всюду по желанию иметь тепло и уют.

Но велика сила привычки. Уменье и навыки, выработанные в течение тысячелетий, сохраняются и тогда, когда в них, собственно, уже нет особенной нужды. В настоящее время все дикари умеют добывать огонь. Но, как мы видели, они предпочитают поддерживать у себя в очаге неугасимый огонь, сохраняя под золой тлеющие уголья и головешки.

Впоследствии, когда какой-либо народ выходил из дикого состояния и поднимался высоко по лестнице культурного развития, стародавние обычаи исчезали из практики жизни, но зато сохранялись в области религиозных верований. Так, в древней Греции огонь добывали путем высекания его из кремня железом. Но раз в году домашний огонь, неугасимо горевший в очаге, тушился и вновь разжигался путем трения двух кусков дерева. Это был торжественный религиозный обряд; древний способ получения огня становился при этом чем-то таинственным и религиозным.

То же самое было в древнем Риме, в храме богини Весты, где горел охраняемый девушками-весталками неугасимый огонь. Его торжественно тушили 1-го марта и вновь получали древним способом. Производить эту церемонию имел право только жрец.

Здесь перед нами очень частый в истории культуры случай превращения житейской необходимости в религиозный обряд. Неугасимый огонь составлял жизненную необходимость для первобытного человека. Трение или сверление дерева деревом—единственный известный вначале способ искусственного получения огня. Но вот про-

летают века за веками, исчезает практическая надобность в поддержании вечного огня, изобретаются другие, более легкие и быстрые способы его получения. И прежние приемы получения огня забываются, самая мысль о негасимом огне перестает быть важной для жизни. Но и то и другое сохраняется среди религиозных обрядов, приобретая в течение поколений характер священного обычая.

В католической церкви еще и поныне существует обряд, напоминающий о пройденных уже людьми ступенях культуры. В каждой католической церкви горит «негасимая лампада». В страстную субботу она тушится и зажигается вновь. Но как? При помощи искр, высеченных священным стальным огнивом из кремня.

Среди простого народа, как в России, так и в других странах Европы, и до сих пор еще встречаются случаи получения «священного огня» путем трения дерева о дерево, при чем этому огню придают целебную силу в борьбе с болезнями, особенно с болезнями скота.

Так правильное истолкование фактов, собранных этнографией, дает возможность раскрывать тайны далекого прошлого.

IV.

Старый каменный век. – (Палеолит).

1. Материальная культура по археологическим данным.

Мы уже знаем, что человек появился на земле быть может еще в третичную эпоху. Но об этом времени, самом древнем в истории человечества, мы ничего не знаем. Самые ранние следы человека относятся к четвертичной эпохе. Но самый древний, какого мы только знаем, обитатель земли знал уже употребление огня и выделывал уже каменные орудия. Поэтому надо думать, что этой эпохе предшествовали века, не оставившие для нас никаких памятников человеческой жизни и тем не менее бывшие свидетелями очень медленного, но неуклонного развития человеческой культуры. Эти века покрыты густым мраком, и нам волей-неволей приходится начинать с старого каменного века, самой древней *из известных нам* эпох человеческой истории, но не самой древней в действительности. От времени, предшествовавшего старому каменному веку, до нас дошли камни, которые можно считать первыми каменными орудиями человека. На них заметны следы обжога, царапины, как бы сделанные рукой человека, следы крайне грубой обделки. Камни эти можно было зажать в кулак и действовать,

как ударным орудием (напр., для раскалывания костей). Но твердой уверенности в том, что эти камни (ученые зовут их эолитами — «камнями утренней зари») уже подвергались обработке, не может быть. Надо полагать, что люди сначала пользовались подходящими для них камнями, которые они находили в природе, а потом уже научились придавать им желаемую форму. Таким образом, очень вероятно, что веку палеолита предшествовал век эолита.

Старый каменный век тянулся отнюдь не сто лет, как можно думать по его названию, а многие десятки и даже, вероятно, сотни тысяч лет. За этот огромный промежуток времени на земной поверхности произошли большие перемены. Самая значительная из них состояла в обледенении многих стран Европы, Азии и Америки. По неизвестной причине льды северного полюса стали распространяться все дальше и дальше к югу и постепенно погребли под собою значительную часть нынешней Англии, Германии, России и стран, лежащих между ними. Это время обычно называется ледниковой эпохой. Таких эпох, по мнению геологов, было четыре. Четыре раза наступали льды на эти страны и четыре раза вновь отступали к северу. Соответственно этому изменялся и климат. Он становился то страшно холодным, то умеренным, то даже жарким. В разные времена одни и те же местности покрывались разной растительностью, разные породы животных обитали в них. Исчезали старые реки или меняли свои русла, появлялись новые, возникали и исчезали озера. Все эти перемены происходили, однако, столь медленно, что люди из поколения в поколение жили в одних и тех же условиях природы, совершенно не замечая указанных перемен. Но все же эти

перемены происходили, и людям волей-неволей приходилось к ним приспособляться.

За этот огромный промежуток времени люди не стояли на одном месте: медленно, но неуклонно они совершенствовали свои орудия, становились все более опытными и ловкими в борьбе за существование.

Самыми древними в Европе следами первобытной культуры считаются находки, сделанные близ городка Шелль во Франции. Но и раньше жили люди. Только от их изделий не сохранилось ровно ничего. Из земных пластов, которые относятся ко второй межледниковой эпохе (таких эпох было три, соответственно четырем ледниковым эпохам), извлечена была челюсть жившего тогда человека. Она найдена близ немецкого города Гейдельберга, почему сам человек, которому принадлежала найденная челюсть, назван гейдельбергским человеком. Но о том, как он жил, какова была его культура, мы ровно ничего не знаем. Самая древняя из известных нам до сих пор культур это культура, остатки которой найдены близ Шелля. Вероятно, люди той эпохи (названной учеными шелльской) прекрасно действовали палками и дубинами. Но деревянных его изделий не сохранилось: они истлели в течение веков. Не умел он еще выделывать ничего из кости. Единственными его орудиями, сохранившимися до нашего времени, были грубо оббитые куски кремня. Шелльская эпоха относится к последнему межледниковому периоду, когда климат во Франции и прочей Европе был сравнительно теплым. Тогда в последний раз в Западной Европе появились гиппопотам, южный и ископаемый слоны, носорог, махайрод (животное, родственное тигру и льву), олени, табуны лошадей и стада зубров. «Человек шелльской эпохи дер-

жался небольшими семьями, которые вели охотничий образ жизни и кочевали в той области, где господствовал теплый, лесной климат, более умеренный и влажный, чем современный и вызывавший большее развитие растительности. Суровые зимние холода отсутствовали, и наши отдаленнейшие предки жили круглый год под открытым небом, по склонам небольших холмов или в долинах, в непосредственной близости рек, которые доставляли им в изобилии рыбу; по берегам же рек они подкарауливали и дичь, приходившую на водопой по протоптанным издавна тропинкам. Здесь они вырывали ловчие ямы для поимки крупных толстокожих, — они тщательно покрывали эти ямы зелеными ветвями, так что слон или носорог, ничего не подозревая, проваливался туда, и затем сбежавшиеся охотники убивали его камнями и дубинами. Возможно, что таким же способом охотились на диких лошадей, зубров, гигантских и благородных оленей. Быть может, иногда охотники отгоняли от стада молодое животное, еще не способное бегать как следует, ловили арканами или подкарауливали уставших животных и подкрадывались к лежащим на отдыхе, как это и по настоящее время с большим совершенством проделывают дикари. Труднее была для них борьба с хищниками, и в этом случае дело нередко, по всем вероятиям, оканчивалось полным поражением человека. Крупная охотничья добыча, вероятно, разрезалась на куски там, где ее удавалось убить, и лучшие части доставлялись в лагерь, а остальное предоставлялось волкам и гиенам.

Лагери этих охотничьих племен, по всем вероятиям, располагались на полянах, очищенных от кустарника. Там строились хижины из ветвей, какие обыкновенно служат убежищем некультурным народностям. Перед

хижинами раскладывался огонь, и вокруг жилья также разводились костры для защиты от хищников кошачьей породы. Лишь в особых случаях в качестве жилища избирались пещеры» (Обермайер).

На плоских, усеянных камнями берегах рек люди во множестве находили пригодный для обделки кремень. Из него они выделывали топоры и другие каменные орудия. Топор того времени очень мало напоминает то, что знаем мы под этим именем. Это был продолговатый кусок кремня с кулак, иногда больше, иногда меньше, величиною, закругленный на одном и заостренный на другом конце. Закругленная и более широкая часть камня зажималась в руке, и острием наносились удары по кости и дереву. Рукоятки не было. Французские ученые называют это орудие «ручным ударником». Название более правильное, чем название топора. Смотря по тому, для чего должно было служить «орудие», ему придавалась соответствующая форма. Заостренные его формы служили для сверления, а также выполняли роль кинжалов. Более закругленные применялись для разрезания. Были «топоры», приспособленные для пиления и скобления. Как уже сказано, человек шелльской эпохи не умел еще ничего делать из кости. Это искусство возникло впоследствии.

Недалеко от г. Веймара в Германии в местечке Таубах найдены были следы человека, жившего одновременно с человеком шелльской эпохи во Франции. Климат здесь был суровее, местность болотистая. Здесь люди разводили большие костры, на которых жарили мясо убитых ими зверей. Чтобы добыть мозг, они разбивали кости кусками кремня или нижней челюстью медведя.

Обитатели местностей Шелля и Таубаха жили в последнюю межледниковую эпоху. Но начавшееся

с севера движение льдов постепенно делало климат все более и более суровым, и людям надо было все чаще и чаще искать себе убежища в пещерах, где они могли бы найти себе убежище от холода и непогоды. И в тех местностях, где известковые холмы и горы образуют много пещер, люди постепенно превратили их в свои жилища.

Пещеры заняты были хищниками. Там жили пещерные львы и пещерные медведи, которые нередко там и околевали. Не удивительно поэтому, что в некоторых пещерах находилось множество костей этих животных. Так, в одной из таких пещер было найдено свыше 800 скелетов медведей. Поэтому людям приходилось брать эти пещеры с боя. Нередко случалось, что хищники вновь выгоняли оттуда людей, которые, однако, через некоторое время возвращались и окончательно овладевали подземным жилищем. Здесь человек находил саженях в 8—10 от входа постоянную температуру (она нередко достигала 10 градусов тепла) и безопасное убежище от зверей, в особенности, если он поддерживал у входа огонь, которого хищники боялись. И от врага-человека пещерные люди могли защищаться с большим успехом, забравшись повыше, где-нибудь на крутом подъеме найдя себе жилище.

Когда наступила ледниковая эпоха и выгнала людей из тех стран, которые погребены были под толстым слоем льда и снега, они особенно стали ценить пещеры, прежде всего, как убежище от холода. Но все же большую часть времени они проводили на открытом воздухе, занимаясь добыванием себе пропитания охотой и рыболовством. Дикие лошади, дикие быки и северный олень— вот главная его добыча. Кроме того, он охотился на мускусных быков, горных козлов, серн и благородного

оленя. Иногда люди убивали также мамонта, носорога, гигантского оленя, пещерного медведя, пещерного льва, россомаху. Волки и лисицы также были добычей охотника. С наслаждением высасывали пещерные обитатели мозг из костей, разбивая их вдоль, если они были слишком велики; шкуры шли на одежду и покрывало, а жир, быть может, на светильники.

Если в шелльскую эпоху люди ходили голышом, так как в одежде не было никакой надобности, то теперь под влиянием холода люди с удовольствием покрывались пушистыми шкурами убитых ими медведей, лисиц и волков.

В числе каменных орудий этой эпохи мы находим разных размеров каменные шары. При их помощи охотники ловили лошадей, после продолжительной за ними погони, как это делают до сих пор своими бола обитатели южно-американских степей. Возможно, что эти шары служили ударным и метательным орудием. Много хорошо сделанных сверл и скребков свидетельствуют, что проколка кожи и их очистка составляли одно из их постоянных занятий.

Надо полагать, что в то время, как мужчины занимались охотой и рыболовством—женщины готовили дома пищу и обрабатывали шкуры для одежды и одеял. Когда снаружи свирепствовала снежная буря, мужчины и женщины, старики и дети, забравшись в глубину пещеры, располагались вокруг горящего очага. Иногда по нескольку дней бушевала вьюга, и люди приучились делать запасы топлива и мяса.

По внешнему своему виду люди этой эпохи [1])

[1]) Она называется мустьерской, так как наилучше сохранившиеся следы эпохи найдены были впервые в местечке Ле-Мустье, на правом берегу Везера во Франции.

сильно отличались от современных людей. С низким лбом, с сильно развитой нижней челюстью, с несколько согнутыми вперед коленями—вот основные черты фигуры человека той эпохи. Она легко может быть нарисована на основании черепов и костей, найденных в отложениях мустьерской эпохи.

Впервые черепа и кости людей этой эпохи найдены были в Западной Германии около города Дюссельдорфа в Неандертальской пещере. По имени этой пещеры названы и люди той эпохи, а именно, их называют людьми неандертальской расы. Впоследствии костяки людей этой расы найдены были и во многих других местах Европы.

Мустьерской эпохой закончился древнейший период человеческой культуры, который по самым скромным расчетам длился не менее 24-х тысяч лет, по более вероятным—свыше 150 тыс. лет. За этот период в культуре человека произошли лишь незначительные перемены, но все же человек стал более изобретательным, более способным в отстаивании своего права на жизнь.

Между тем ледниковый период подходил к концу, климат постепенно становился мягче. Болота, покрытые мхом, заменялись обширными травянистыми степями. Люди все чаще покидали пещеры и строили себе хижины на открытом воздухе. Олень и лошадь попрежнему составляли главнейший предмет охоты. Каменные изделия, как и раньше получавшиеся путем оббивки, становились разнообразнее и лучше по отделке. Впервые начинают появляться изделия из оленьих рогов и кости: стрелы, иглы, крючья для ловли рыбы и т. д. Топоры и ножи прикреплялись к деревянной рукоятке. Кроме орудий, из камня стали выделывать котлы и даже статуи. Не довольствуясь полезными предметами, люди стали

2. Материальная культура по этнографическим данным.

Ныне живущие наиболее дикие народы Австралии, Африки, Азии и Америки (австралийцы, бушмены, ведды, огнеземельцы и др.) по своему развитию стоят очень близко к человеку старого каменного века. Интересно поэтому ознакомиться с образом их жизни, чтобы еще нагляднее представить себе образ жизни людей старокаменного века. Вот, например, дикие обитатели Австралии. Они разбиваются на целый ряд племен, и каждое племя имеет свою область, в пределах которой оно обитает. Но всем членам племени нет возможности жить вместе, в какой-либо одной местности: живя совместно, они не в состоянии были бы прокормиться. Каждое племя разбивается поэтому на целый ряд отдельных групп. Каждая такая группа или орда, состоящая из 10—20 человек, живет большую часть года отдельно от других таких же групп.

Построив один или два жалких шалашика или найдя удобную для ночлега пещеру, члены группы бродят по окрестности в поисках за пищей. Австралийцы не брезгают ничем. Они охотятся и на крупных зверей (самый крупный зверь Австралии—кенгуру) и на мелких, вроде мышей. Они охотно поедают лягушек, червей, личинок, насекомых, змей, ящериц. Из земли выкапывают они съедобные коренья, собирают ягоды и плоды. Как только

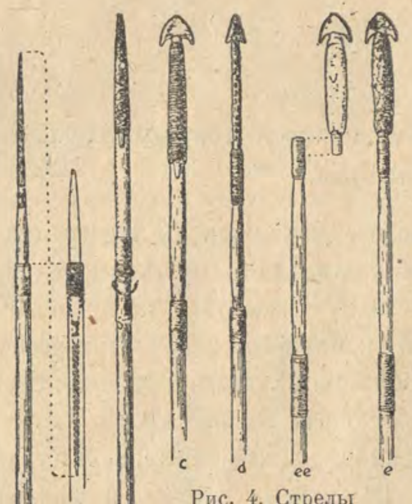

Рис. 4. Стрелы бушменов.

запасы пищи в окрестности истощатся, австралийцы снимаются с места и идут дальше. И так бродят они по всей области в течение круглого года.

Такую же бродячую жизнь ведут и бушмены, обитающие в суровых пустынных местах Южной Африки. Небольшими ордами передвигаются они из одной местности в другую вслед за дичью, которая представляет главный предмет их питания. Но наряду с птицей и зверем бушмен не прочь есть все, что попадается ему под руку: змей, червей, лягушек, ягоды, коренья. На этот счет он так же неразборчив, как и австралиец. И это понятно: голод не ждет, пока удастся убить или поймать крупную дичь.

Австралийцы и бушмены стоят на самом низу в среде современных народов. Их бродячая жизнь мешает им обзавестись большим количеством домашней утвари. Их оружие очень несложно. Их орудия крайне просты. Оружие австралийца состоит из копья, топора, толстой дубины и бумеранга (особого метательного оружия, встречающегося только в Австралии). Для защиты от копья и стрелы

противника употребляется щит. Лук и стрелы имеются не везде. Кончик копья заострен и для прочности обожжен. Иногда, в виде острия, к нему прикрепляется кусочек камня или кость. Топоры сделаны из грубо обтесанного камня, привязанного к деревянной рукоятке. Для выкапыванья корней из земли употребляется особая палка, заостренная на конце. Посуды нет. Вместо нее употребляют раковины, черепа и т. п. вещи.

Австралийцы по большей части живут далеко от морских берегов, а так как внутри Австралии нет больших рыболовных рек и озер, то рыбная ловля внутри Австралии мало практикуется. Но береговые жители занимаются и ловлей рыбы. Кое-где в мелкой воде они ловят просто руками. Но по большей части для этой цели употребляются сети, сделанные из особой травы. Пускают в ход при ловле рыбы и копья.

До уменья делать лодки не дошла даже и большая часть береговых жителей Австралии. Впрочем, это и понятно: море служит им лишь подсобным источником пропитания. Главное пропитание дают им леса и травянистые степи. Лишь кое-где делаются из коры или выдалбливаются из древесных стволов жалкие неуклюжие челноки.

Одежды австралийцы почти не признают, по большей части ходят совсем обнаженными.

Столь же убого и богатство бушмена. Главное оружие бушмена—огромный, величиною около 5 футов, лук, с острыми, намазанными ядом стрелами. Кроме того, имеется палица, дубинка с утолщением на конце и палка для выкапывания корней из земли. Вместо мешка—сетка из волокон мимозы (кустарниковое растение). Вместо посуды страусовое яйцо, в котором держат

воду. Все это имущество легко переносится с места на место.

Жилищем бушменам служат пещеры, ямы, укромное место под навесом скалы; иногда строят они на скорую руку из ветвей убогий шалаш.

Как австралийцы, так и бушмены добывают себе пропитание, главным образом, охотой. Но есть бродячие народы, которые живут преимущественно рыбной ловлей. К таковым, например, принадлежат жители Огненной земли (оконечность Южной Америки), огнеземельцы.

Суровая страна мало дает огнеземельцам. Гораздо больше получают они от моря. Поэтому-то они научились хорошо строить лодки, в которых они разъезжают у берегов, занимаясь ловлей рыбы. Для ловли у них имеются особого рода копья — гарпуны. Для охоты они употребляют лук и стрелы. Ножи сделаны из кремня. Глиняной посуды не знают, а воду держат в особых сосудах из древесной коры. Одежда их состоит из шкуры, которою они обертывают нижнюю часть тела. Жилищем служит кое-как сделанная хижина из ветвей. Огонь они добывают, ударяя кремнем о кремень. Искра падает на подставленный птичий пух, и пламя переносится на хворост (австралийцы и бушмены добывают огонь трением двух сухих кусков дерева).

Таков образ жизни бродячих народов современности. Приблизительно в таком же роде протекала и жизнь древнейших людей старого каменного века. Разница заключалась только в том, что первобытному человеку было жить просторнее, что в его распоряжении были богатейшие рыбные ловли и обильные дичью места охоты. Современные дикари живут в местностях, куда их вытеснили «белые люди», англичане, французы,

американцы и т. д. В условиях скудной природы им приходится вести, пожалуй, более тяжелую жизнь, чем людям старого каменного века.

3. Общество, быт и нравы.

Как уже сказано выше, бродячие охотники Австралии живут небольшими ордами. Каждая такая орда носит название какого-нибудь животного (а иногда и растения). Так, одна орда носит название кенгуру, другая—змеи и т. д. Члены одной орды именуют себя «людьми кенгуру», члены другой—«людьми змей» и т. д. По этим названиям они ведут и свое родство. Если встречаются две группы, носящие наименование «кенгуру», они считают себя родственными.

У бродячих народов нет правителей, нет богатых, нет сословий. Различие между людьми проводится не по званию или чину, а по возрасту и полу. Существует обычно три слоя в каждой бродячей группе: старик, взрослые и дети. Старики (правильнее было бы сказать—пожилые люди лет 30—45) пользуются почетом и заведывают всеми общими делами: они дают сигнал перехода на новое место, они указывают, где надо сделать стоянку, они дают советы, как и что делать в разных случаях жизни, они встречают появление на свет новорожденного, и под их руководстзом происходят похороны усопшего.

В случае войны вождем становится самый храбрый и самый мудрый из всех взрослых. Вообще же между взрослыми мужчинами господствует как полное равенство в правах, так и одинаковость в занятиях.

Женщины обычно находятся в зависимости от мужчин. И занятия их другие, чем у мужчин. Последние заняты охотой, первые—собиранием растительной пищи,

уходом за детьми и хранением домашнего скарба. Во время перекочовок женщины весь этот скарб вместе с грудными ребятами несут на себе.

Брака и семьи в нашем смысле слова у бродячих народов не существует. У нас женщина и мужчина вступают в брак на всю жизнь и вместе с детьми образуют семью. У бродячих народов группа лиц, живущих вместе, составляет нечто вроде одной семьи. Среди австралийцев распространен групповой брак. Так называется брачное сожитие нескольких мужчин и нескольких женщин. Обычно, каждая замужняя женщина, кроме мужа, имеет брачные сношения с другими мужчинами. И, наоборот, каждый мужчина, кроме своей жены, имеет брачные права и на нескольких других женщин. Эти брачные отношения, однако, подчиняются особым правилам, которые указывают, кто и с кем может жить в браке. Нарушение этих правил считается преступлением и наказывается. Несколько раз в году происходят празднества, на которые собираются несколько родственных групп. Во время этих празднеств допускается свободное общение мужчины и женщины. Таковы «карабори» у австралийцев.

Надо полагать, что в глубокой древности, на заре человеческой культуры, вовсе не существовало каких-либо правил брачной жизни: все взрослые считались мужьями и женами друг друга. Но постепенно устанавливались брачные запреты. Сначала возникли правила, запрещающие брак между стариками и молодыми; потом запрещено было вступать в брак близким родственникам. Но еще долгое время после того господствовал обычай группового брака.

Правда, у некоторых бродячих народов, как, напр., у бушменов, брак парный, т.-е. семья состоит из мужа

и жены. Но и у них такой брак отнюдь не заключается на всю жизнь и легко расторгается. К тому же природа, среди которой живут бушмены, так скудна, что даже группа в 10 человек не в состоянии жить вместе. Поэтому бушмены часто живут отдельными семьями, состоящими из мужа, жены и детей.

Дети с первого же момента своего появления на свет попадают в суровую обстановку дикой жизни. Не все из родившихся признаются имеющими право на жизнь. Так, среди австралийцев очень распространено детоубийство. Убивают тех, кого считают незаконнорожденными. Убивают также хилых и больных. Убивают и совершенно здоровых, если нет уверенности, что их можно прокормить. Надо полагать, что подобные обычаи господствовали и в первобытные времена. Девочки до замужества оставались при матери. Мальчики же, начиная с 10—12 лет, постепенно приучались к мужскому делу. У современных дикарей существует множество обычаев и правил жизни, которым должен подчиняться каждый взрослый мужчина и каждая взрослая женщина. Хранителями этих обычаев и правил являются старики, от них молодежь получает все необходимые им сведения о том, кто были их предки, и о том, как надо жить. Юноша становится равноправным мужчиной после обряда посвящения, во время которого он переносит жестокие испытания, которым его подвергают старики.

В числе правил жизни, которым старики обучают молодежь, видное место занимают правила взаимной помощи и поддержки. Совместная жизнь в пределах небольшой группы не терпит лжи и обмана, взаимного насилия и притеснения. Поэтому в отношениях к своим дикари правдивы и великодушны. Но зато по отноше-

нию к чужим ложь и насилие считаются вполне дозволенными. Только в тех случаях не обижают чужого, когда он пользуется гостеприимством. Но вне этих случаев вовсе не считается грехом убить или обмануть чужого человека.

Часто говорят, будто дикари отличаются умственной тупостью. Это неверно. Умственная жизнь людей всегда определяется условиями их быта. Бродячий образ жизни требовал от людей знания и навыков, какие нам уже не нужны, но в то же время бродячий человек не мог дойти до той степени умственного развития, которое свойственно нашему времени. Бродячие охотники отлично разбираются в окружающем их растительном и животном мире. Они знают все привычки и особенности зверей и птиц, за которыми им приходится охотиться. Они великолепно разбирают следы зверя, быстро улавливают в лесу всякие шорохи и звуки, прекрасно видят издали,— словом, вполне развиты для того, чтобы с успехом заниматься своим делом.

Они по-своему недурно знают звездное небо, служащее по ночам им путеводителем, имеют свой счет дням, месяцам и временам года.

Но, имея большой запас знаний, им нужных, полезных, и обладая хорошо развитыми внешними чувствами, дикари отличаются малым развитием ума, вернее, рассуждающей способности. Почему? Потому, что простые условия их жизни вовсе не требуют большого развития этой способности.

Доказательством слабого развития рассуждающей способности у бродячих охотников служит их язык и их арифметика. Язык современных австралийцев содержит много слов для выражения ощущений, и очень мало

слов для выражения понятий. Считать они умеют плохо. Счет идет до 3 и до 5. В дальнейшем приходится повторять эти числа.

4. Искусство и религия палеолитического человека.

Самые дикие из современных народов имеют религию, т.-е. признают и почитают высшие силы. Надо полагать, однако, что некогда, в глубокой древности, предки людей, человекоподобные существа, вовсе ни во что не верили, ничему не поклонялись, — словом, не имели религии. Постепенно, вместе с изменением физического, изменялся и умственный облик человекоподобных существ. Вероятно, зачатки религии возникли одновременно с появлением на земле уже вполне человеческих (а не человекоподобных) существ. Трудно во всей подробности проследить тот путь, которым шло развитие религии. Но в общем и целом этот путь нам известен.

Многие думают, будто религия это есть вера в бога. Это неверно. Вера в бога возникла из веры в духов, которая тоже есть религия. Сначала возникла вера в духов, а затем уже духи в воображении людей превратились в богов. Но и вера в духов вовсе не является самой древней религией. В поисках за самыми древними верованиями ученые очень усердно изучали религию современных дикарей, и хотя у этих последних преобладает духоверие, у них сохранились еще пережитки и более старинных верований.

Так, на некоторых островах Великого или Тихого океана дикари верят, что существует какая-то невидимая сила, которая разлита, как воздух, по всему миру. Эту

силу они называют «мана». Это не дух, не человекоподобное, но могущественное существо, парящее над миром. Ее нельзя видеть, но ее присутствие чувствуется всюду, где есть жизнь и движение. Без нее ни жизнь, ни движение невозможны.

Надо думать, что и наиболее древние люди на земле рассуждали точно так же. Слабые и беспомощные против природы, они на каждом шагу чувствовали свою зависимость от нее. И эта зависимость мыслилась ими в виде власти над ними и над всем, что кругом их делается, какой-то непонятной для них силы.

Чувствуя себя во власти этой силы, люди старались как-нибудь использовать ее для себя; они пытались найти средства, при помощи которых можно было бы заставить эту силу действовать не во вред, а на пользу человеку. И им казалось, что такое средство дает им чародейство (магия).

Разыскивая себе пропитание, убегая от диких зверей, нападая на своих врагов, перенося горе и радости бродячей жизни, палеолитический человек пришел к убеждению, что между разными явлениями природы и его поступками существует какая-то таинственная, непонятная для него связь. Еще и теперь совсем не дикие люди верят в то, что, если утром встанешь с левой ноги, то день пройдет очень плохо. Какая тут связь между этими явлениями, он не знает, но тем не менее твердо убежден, что какая-то связь есть. А дикарь верил в существование таких таинственных связей еще крепче.

Эта вера и привела его к магии или чародейству. Самая первобытная религия, вероятно, и состояла из туманных представлений о каких-то непонятных силах, которые путем чародейства можно заставить служить человеку.

последствие злых чар: кто-нибудь при помощи чародейства послал на человека несчастье.

Долгое время факт смерти не вызывал никаких размышлений у дикаря, но в конце-концов он все же должен был остановиться на этом явлении, осмыслить его как-нибудь. Сопоставляя живого человека и мертвого, он прежде всего обратил внимание на то, что живой человек движется, а мертвый недвижим. Затем живой дышит, и у него теплая кровь, которая течет из раны. И в его голове понятие живого соединилось с представлением о движении, о дыхании, о теплой крови. Все, что движется,—все это живет. Все неподвижное—мертво.

Но почему же живой человек становится мертвым? Потому,—думает дикарь,—что из его тела ушло дыхание, дух или душа.

Но душа умершего может ходить; ведь, является же она во сне живому человеку? Значит, она где-то живет. Видеть ее нельзя, она невидима. Невидимая, но где-то близко находящаяся душа пугает человека. И он начинает чувствовать страх перед мертвецами. Как бы душа или дух покойника не нанесли ему какого-нибудь вреда, не причинили бы ему увечья или смерти?

На этом основании дикари стали заботиться о душе умершего человека. Сначала эти заботы имели очень простой вид. Над могилой покойника набрасывали кучу камней, думая, что этой тяжести душа не подымет, не выйдет из могилы и не станет бродить по земле и беспокоить живых людей. Или же — для той же цели— покойника хоронили в сидячем положении, крепко привязывая руки к ногам или же крепко зашивая все тело в шкуру. В некоторых местах дикари связывают не мертвое тело, а еще умирающего человека.

Правда, все такие обычаи как будто противоречат тому взгляду, в силу которого смерть оттого и происходит, что душа покидает тело. Но так как душа есть невидимый образ тела, то, связывая тело, дикари полагают, что тем самым они связывают душу. В этом случае они действовали по старым, магическим, чародейским верованиям.

Впоследствии забота о душе умершего приняла другой вид. Стали приносить душе подарки, чтобы задобрить ее таким образом, сделать доброй и милостивой к живым людям. Подарки клали в могилу с умершим, а иногда и на могилу его.

Душа, по мнению дикаря, вылетает из тела в виде легкого пара и затем становится невидимой. Но она может вселиться в какой угодно предмет. Австралийцы все камни, имеющие, по их мнению, странный вид, считают седалищем души. Нередко душа, верят дикари, вселяется в птицу, особенно охотно в ночную сову, филина или в летучую мышь, или в змею, а также в червей. Но во всех этих случаях душа мыслилась, как нечто телесное, вещественное, хотя и не столь грубое, как обыкновенные телесные вещи.

У бродячих охотничьих племен вера в душу приняла особый вид благодаря тому, что они считали возможным происхождение людей от животных.

Мысль о родственной связи между людьми и животными очень легко могла зародиться в уме первобытного человека. Ему приходилось жить в постоянном общении с животными. Хищники вызывали в нем ужас и сознание их превосходства над человеком. Мелкие звери и птицы, служившие предметом охоты, удивляли его часто своей хитростью, изворотливостью, уменьем усколь-

зать от охотника. Поэтому человек не делал большого различия между людьми и животными, считая их равными человеку по уму, часто еще более хитрыми, ловкими и сильными, чем человек. Если душа умершего становится червем, то почему ей не стать змеей? Почему ей не перейти в какое-нибудь другое животное? Первобытные люди вполне допускали такую возможность, так как и современные дикари признают это. Более того, многие дикие народы наших дней (в Австралии и других местах) даже свое происхождение ведут от того или другого животного.

Всякая бродячая группа австралийцев считает своим родоначальником какое-нибудь животное: кенгуру, оппосума, эму, змею и т. п. Члены этой группы (или целого племени) думают, что когда-то, в очень давние времена, их прародители жили в образе животных и потом превратились в людей. С тех пор эти люди и называют себя по имени животных, в образе которых они когда-то жили (люди—кенгуру, люди—эму, люди—собаки, люди—змеи и т. д.). Всех животных, имя которых они носят, они считают своими покровителями, а всех людей, носящих название того же самого животного,—родственниками. На своем теле они делают знак, свидетельствующий о их принадлежности к определенному тотему (животное-покровитель у индейцев получило название тотема). В торжественных случаях члены какой-либо тотемной группы исполняют пляску, подражая движениям тотемного животного. Мясо тотемного животного считается позволительным есть только его поклонникам. Иногда, впрочем, наоборот—запрещается членам племени употреблять в пищу то животное, которое является его тотемом. Это различие происходит от того, что в одних

случаях считают необходимым приобщиться к силе, находящейся в теле тотемного животного, в других, наоборот, испытывают страх перед душой животного, страшатся ее мести за посягательство на ее тело.

В глубокой древности, однако, тотемное животное составляло, вероятно, главное пропитание бродячей орды людей, носивших его имя. Их забота о пропитании заставляла их принимать все меры к тому, чтобы предметы питания не иссякали, чтобы они всегда были в изобилии. Но как этого добиться? Для этой цели люди прибегали к чародейству. У австралийцев и до сего времени ежегодно совершаются особые чародейные обряды, имеющие целью обеспечить умножение пищи. Вероятно, такие же чародейные обряды совершали и люди эпохи палеолита в своих пещерах, где они помещали изображения животных.

Такова первобытная религия. Здесь еще нет веры в богов, но есть сознание зависимости людей от какой-то сверхъестественной таинственной силы, которую постепенно стали представлять себе в виде духов—душ. Здесь еще нет твердых правил веры, не имеется церковных служб, но есть уже определенные обряды чародейства. Нет священников (жрецов), но есть знахари-чародеи.

Мы осветили вопрос о первобытных верованиях на основании этнографических данных, т.-е. на основании того, что нам известно о религии современных дикарей. Находки памятников древнего каменного века свидетельствуют о том, что верования тогдашних людей едва ли были иными. В пещерах мустьерской, мадленской и азильской эпохи найдены могилы с костями покойников и вещами, положенными вместе с ними. Так, многие группы оказались в сидячем положении, как это прак-

тикуется и у нынешних дикарей. На многих трупах есть следы того, что они были похоронены в связанном виде. Так поступают, как мы видели, со своими мертвецами во многих местах и современные дикари. Среди всякого рода вещей, находимых в пещерах старо-каменного века, часто встречаются многочисленные просверленные подвески, костяные и каменные подвески, просверленные зубы зверей, фигурки животных. Такого рода вещами увешивает себя и современный дикарь, приписывая им таинственную силу защиты от колдовских чар (амулеты). Попадаются рисунки, изображающие танцующих людей с головами разных животных. Значение этих рисунков станет нам понятным, если припомнить, что в Африке, Америке, Австралии и на островах Великого океана очень распространены религиозные танцы. Одетые в звериные шкуры, изукрашенные перьями и пестрыми материями, с странными масками на лице, изображающими то зверей, то сказочных чудовищ, дикари исполняют священный танец, подобно тому, как это делали люди старо-каменного века.

Словом, сопоставляя данные археологии и этнографии, мы находим ключ к пониманию жизни древнейших обитателей земли.

V.

Новый каменный век.

1. Приручение животных и культура растений

Мы видели, что бродячие народы занимаются либо главным образом охотой (австралийцы), либо преимущественно рыболовством (жители Огненной земли). Это зависит от природных условий их местообитания. Есть такие народы, которые, ведя бродячую жизнь, добывают себе пропитание, главным образом, собиранием корней и плодов (обитатели Калифорнии, Сев. Америки). От этих первобытных промыслов люди постепенно перешли к земледелию и скотоводству, что произошло в течение нового каменного века. Труден был этот переход. С необычайною медленностью, шаг за шагом, приобретали люди новые знания и уменья и, не покидая основного стародавнего промысла, начинали заниматься разведением полезных растений и уходом за полезными животными. Много столетий и тысячелетий прошло, прежде чем люди от охоты окончательно перешли к земледелию и скотоводству.

Постараемся выяснить сначала, как развивалось искусство разводить полезные растения. Собирать коренья, плоды и семена съедобных растений должна была у бро-

дячих племен женщина. Забота о растительной пище лежала на ней. Мужчина, как мы знаем, занимался, главным образом, охотой. Уже в очень раннюю эпоху съедобные корни, плоды, семена стали собираться про запас. Собрав некоторое количество этого съедобного материала, женщина, вероятно, прятала его в укромном местечке, где-нибудь в пещере или около нее, в ямке, покрывая собранное сухими листьями и землей. От долгого лежания и тепла семена и клубни начинали прорастать. Возможно, что женщина, заметив это, научилась нарочно зарывать в землю семена и клубни, чтобы они проросли и превратились в растения.

Возможно также, что женщина могла заметить, как на том месте, где она случайно рассыпала семена или бросала коренья и клубни, вырастают новые растения, приносящие те же семена, коренья и клубни.

Однако, не всякие растения легко можно было разводить. Вместе с полезными растениями на том же месте вырастали и разного рода сорные травы. Только такое растение не боится сорных трав, которое своими размерами и своим быстрым ростом само их заглушает. Именно такие растения, не требовавшие за собою ухода, и мог человек возделывать на первых порах. Подходящие для первобытного человека растения встречаются только в теплых странах. Надо полагать, что именно в этих странах возникли начатки земледелия.

В Южной Америке произрастает маис (кукуруза). Из зерна маиса в течение одного лета вырастают растения вышиною около 8 футов, приносящие массу съедобных, мучнистых крупных зерен. Маис растет так быстро, что его не в состоянии заглушить сорные травы. Бродячие люди тех местностей, вероятно, давно заметили это

чудесное растение, и именно оно стало предметом ухода и забот со стороны женщин, когда они набрели на мысль о возможности его разведения при помощи семян.

В жарких местностях Азии и Африки произрастает другое подходящее для этой цели растение—сахарное сорго. В короткое время оно достигает 16 футов в вышину и заглушает все сорные травы. Каждое растение сорго приносит такое обилие зерен, что их достаточно для дневного пропитания целой семьи. В настоящее время сорго усердно разводится неграми и получило даже название «негритянской ржи».

Издавна обратили люди внимание и на рис, растущий в сырых местах Южной Азии. А на островах Тихого океана растет хлебное дерево, плодами которого питаются туземцы. Издавна научились они охранять отпрыски этого дерева и затем перешли к искусственному его разведению около своих жилищ. В других местах таким же способом старались сохранить и прочие полезные растения.

Разведение наших злаков (ржи, пшеницы, овса) возникло в умеренных странах значительно позднее того, как жители более теплых стран научились разводить маис, сорго, рис и другие растения.

Как уже сказано было выше, разведение растений и уход за ними на первых порах составляли дело женщин. Это они взрыхляли палкой небольшой участок земли, засевали его зернами, клубнями и кореньями. Обработанный таким образом засеянный участок земли составлял как бы собственность женщин. Они оседали на этом месте, ожидая урожая, а мужчины в это время продолжали свою бродячую охотничью жизнь. Так обстоит, напр., дело в тропических лесах Бразилии

(в Ю. Америке). То же самое можно наблюдать и в различных местностях Африки: мужчина бродит, а женщина живет оседлой жизнью. Когда добыча начинает попадаться реже, муж идет за пропитанием к жене. В Северной Америке много индейских племен занимается одновременно земледелием и охотой и ведет полуоседлый образ жизни. Обработанные участки земли скоро истощаются и их тогда бросают, занимая новые, благо земли сколько угодно. Вначале это происходило почти ежегодно. Таким образом, само земледелие имело на первых порах бродячий характер.

Столь же незаметно, шаг за шагом, происходил и переход от охоты к скотоводству. У многих бродячих племен Бразилии существовал обычай приручать разных лесных животных и птиц не для пользы, а ради забавы. Вокруг их шалашей бегают на привязи ручные обезьянки, летают прирученные птицы (напр., попугаи), держат даже ящериц. Надо полагать, что и первобытные люди приручали животных и птиц сначала именно ради забавы и лишь потом открыли, что из некоторых прирученных птиц и зверей можно извлекать пользу.

Первым домашним животным была собака. Стаи диких собак бродили вокруг стоянок людей, подбирая остатки еды (кости, куски мяса). Люди иногда убивали одну из бродячих собак и съедали ее. Порою они ловили щенка и приручали его. Собака была тем удобна, что не требовала за собой ухода: она сама находила себе пропитание.

В тех местах, где водились крупные животные, полезные для человека, происходило и их приручение. Правда, не везде и всюду люди сумели добиться этого. Так, в травянистых степях С. Америки водятся стада бизонов.

Индейцы кормятся главным образом охотой на них. Обыкновенно охотники следуют за стадом на некотором отдалении, убивая лишь столько штук, сколько нужно для данного случая. Вместе с переходом стада в другое место переносят туда свои шалаши и индейцы.

Как шло в некоторых местах приручение, можно видеть на примере некоторых северных оленеводов. Летом оленеводы занимаются рыбной ловлей и живут на берегу моря, нисколько не заботясь о своих оленях. В это время оленьи стада пребывают на свободе, совершенно независимо от человека, и сильно дичают. С наступлением зимы, когда рыболовство кончается, оленевод при помощи собак загоняет стада оленей в особые загородки, где и держит их некоторое время. Таким образом перед нами пример соединения рыболовства и скотоводства.

В Сибири, вблизи Алтайских гор живут охотничьи племена, которые в то же время держат оленей. Охота составляет их главный источник пропитания. Оленя они держат в качестве вьючного животного, пользуясь иногда его мясом и шкурой.

Настоящее скотоводство и связанный с ним кочевой образ жизни развились в равнинных местностях, богатых травянистыми степями, по которым бродили стада травоядных животных (лошадей, коров, коз и баранов).

Некоторые охотничьи племена становятся оседлыми, не бросая основного своего промысла. Это обычно бывает с рыболовными племенами. В Тихом океане есть множество маленьких островов, жители которых не могут заниматься ничем иным, кроме рыболовства. И вот они поселяются вдоль берега и ведут здесь жизнь, уже не похожую на жизнь бродячих народов. В разные времена года они поселяются то на одном месте берега, то на другом,

смотря по тому, где, когда и какая рыба пристает к берегу (время метания икры). В С. Америке вдоль берегов Тихого океана живут рыболовы, которые зиму проводят в своих селениях, а летом уходят на рыбный промысел.

Так в разных местах постепенно происходил переход от бродячего образа жизни к кочевому и оседлому. Одновременно с этим изменилась и культура людей.

2. Материальная культура эпохи неолита.

По берегам восточной части Дании и прилегающих к ней островов находятся огромных размеров «кухонные кучи». Так назвали кучи раковин, перемешанных с обломками костей, костяных и кремневых орудий. С поверхности эти кучи покрыты землей и поросли травой. Когда их стали раскапывать, то нашли среди мусора богатейшее собрание изделий первобытных людей, а также и другие следы их пребывания в этих местах. Как получились эти кучи, можно узнать по сравнению с такими же кучами, находимыми в разных местах Америки, Азии и островов Великого океана. По близости от этих куч жили в своих жилищах люди и бросали сюда всякого рода ненужные им отбросы. Так и составились эти кучи, порой достигающие 100 саж. в длину, 20 саж. в ширину и до $1-1^1/_2$ саженей в вышину.

Исследование датских кухонных куч привело ученых к убеждению, что их оставили люди, жившие в конце старого и в начале нового каменного века. Изделия из камня, кости и рога были весьма схожи с изделиями старого каменного века, но наряду с ними оказались и такие изделия, которые раньше не встречались.

Очевидно, в течение довольно продолжительного времени обитатели этих мест жили на одном и том же

месте: иначе как же могли образоваться столь огромные кучи «кухонных» остатков. Это были племена рыболовов и охотников, незнакомых ни с земледелием, ни со скотоводством. Но море и лес доставляли им столь богатую добычу, что у них не было нужды слишком часто менять место своего пребывания. Вероятно, они засиживались в какой-нибудь местности и год, и два, пока запасы пищи не истощались. Они уже умели выделывать глиняную посуду, грубые черепки которой найдены в этих кучах. У них уже было одно прирученное животное — собака. Об этом свидетельствуют не только ее кости, но и многочисленные обломки костей со следами ее зубов. Глиняная посуда и прирученная собака совершенно неизвестны были людям старого каменного века. Они знаменуют собою переход к новой культуре, культуре нового каменного века, к культуре неолита.

Значительно более высокую культуру раскрывают перед нами остатки свайных жилищ в Швейцарии. Очевидно, люди той отдаленной эпохи искали надежного убежища не на твердой земле, где их легко могли застать врасплох их двуногие и четвероногие враги, а на воде. В некотором расстоянии от берега озера, от 2 до 10 сажен, они вбивали в дно толстые бревна — сваи, делали на них бревенчатый же настил и возводили на нем хижины и помещения для скота. Подобного рода постройки встречаются и поныне на островах Великого или Тихого океана, а также кое-где в Азии.

Швейцарские свайные постройки представляли собою целые селения. Прошли тысячелетия, народ, построивший эти селения, давным-давно исчез с лица земли, его постройки частью сгорели, частью разрушились от вре-

мени, а частью затонули со всем своим скарбом в береговом иле, здесь открыты были в середине XIX века и стали предметом самого тщательного изучения. На основании того, что найдено было в остатках свайных жилищ, можно составить себе довольно ясное представление об образе жизни их обитателей. Прежде всего

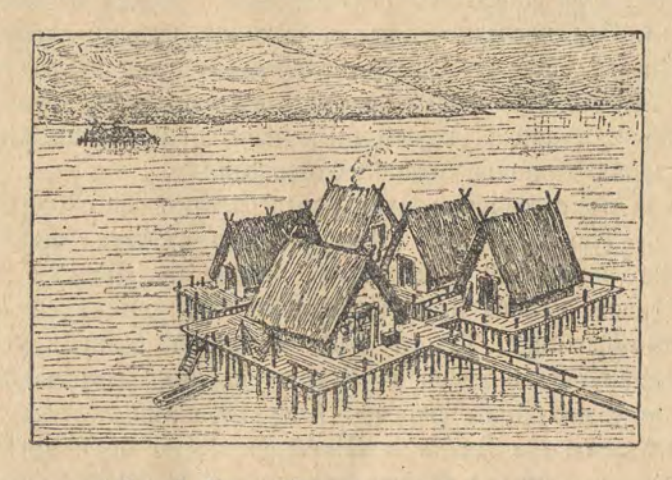

Рис. 5. Вид свайных построек на озере.

ясно, что они жили довольно большими селениями и совместно трудились над созданием своих надводных жилищ. Ясно также, что население свайных построек было оседлым. Оно занималось скотоводством, у них были быки, лошади, овцы, свиньи, собаки. Занимались они также и земледелием, сеяли пшеницу, ячмень и лен. Одновременно, однако, не бросали они и стародавнее занятие охотой и рыболовством, а также собирали дикорастущие плоды и ягоды. Одежду делали они себе сначала из шкур, а потом из льняной материи. Для пищи

и питья употреблялась глиняная посуда, украшенная орнаментом. Каменные орудия по большей части не только оббиты, но и отшлифованы или отполированы, почему эпоху нового каменного века называют также эпохой полированного или шлифованного камня. Некоторые топоры просверлены, очевидно, для рукоятки. Помимо каменных, выделывалось множество разнообразных орудий из кости и рога. Эти последние, как и в конце старого каменного века, даже оттесняют каменные орудия на задний план. Появляется также ряд изделий из дерева, начиная от чашки и кончая корытом и лодкой, при помощи которой происходило сообщение с берегом.

Для приготовления муки употребляли особого устройства ручную мельницу. Она состояла из двух камней, плоского—нижнего и круглого—верхнего. Зерна клали на плоский камень и раздавливали его верхним, сильно на него нажимая. Такого рода мельницы были в употреблении еще в древнем Египте и ныне встречаются кое-где у полудиких народов Америки, Азии и Африки.

Не только в Дании и Швейцарии, но и в других странах найдены многочисленные следы людей нового каменного века: их могилы, остатки их селений. На основании множества находок мы можем составить себе довольно ясную картину образа жизни неолитического человека. Скотоводство и земледелие давало им достаточное пропитание. Одежда их состояла из обделанных шкур и тканных льняных и шерстяных материй; шея, руки и ноги украшались разнообразными подвесками и амулетами, в ушах носили серьги; нередко особые пуговицеобразные кружки носились на губах и щеках, для чего на коже делались отверстия (в этом роде украшают свои носы, губы и щеки современные дикари). Богатые

и знатные люди носили красивые головные уборы, вроде серебряных и медных диадем (так было в конце неолита, когда появились первые изделия из металла). Мужчины имели оружие в виде каменных топора, молотка, дубины, кинжала и копья, а также лука и стрел. Лук был изобретен, вероятно, в конце палеолита и чрезвычайно усилил боевые способности человека, дав ему возможность поражать зверей и врагов издали. В большом ходу была в хозяйстве глиняная посуда; нередко выделывалась она с большим вкусом, раскрашивалась и покрывалась орнаментом.

Рис. 6. Посуда и предметы домашн. обихода людей нов. кам. века.

В конце эпохи в Испании, Франции, Англии и в альпийских областях начали разработку медных руд, а в Венгрии соляных залежей. Люди уже не довольствовались произведениями только своего хозяйства, — путем обмена они получали произведения других местностей. Изобилующие камнями местности доставляли поделочный кремень, а нередко и изделия из него, в те области, где его было мало. Скандинавские острова находились в торговых отношениях с шведским берегом, со странами средней Европы, с Англией, с восточными берегами Балтийского моря. Южная Европа находилась в сношениях с Малой Азией и ближайшими областями Африки. Изделия всех этих местностей переносились с севера на юг, с юга на север, с востока на запад и в обратном направлении. Были и излюбленные торговые пути. Так, из южной Европы в северные ее страны путь шел от Балканского полуострова по Дунаю в область Молдавы и Эльбы.

Поэтому медные топоры, сделанные на юге (где обработка металла началась гораздо раньше), попадали в Швецию. Здесь по их образцу выделывали топоры из камня. Другой путь шел от Черного моря вдоль по Днестру и Висле к Балтийскому морю, а третий — от берегов Средиземного моря вверх по Роне на север Франции. Однако, сколько-нибудь правильной торговли не существовало, обменом занимались соседние племена, и изделия юга проходили на север весьма медленно, от племени к племени. Лишь на юге Европы, по соседству с более культурными странами Востока, постепенно устанавливался правильный обмен между богатой оловом и медью Испанией и странами Малой Азии, жители которой стремились обеспечить себя этими металлами.

Спрашивается, как давно начался и когда кончился новый каменный век? На этот вопрос несколько легче ответить, чем на вопрос о продолжительности старо-каменного века. Более или менее точно известно, что он длился значительно меньше первого. Если палеолит продолжался свыше 220 тысяч лет, то неолит длился 12—15 тысяч лет. У разных народов в разных странах каменный век начался и окончился не в одно и то же время. Так, египтяне уже 6000 лет тому назад умели обрабатывать металл, продолжая в то же время употреблять и каменные орудия, правда, главным образом, для религиозных целей. В странах же Западной Европы он закончился приблизительно за 1800 лет до Р. Х. Когда была открыта Америка (в конце XV века по Р. Х.), то европейцы нашли там у большинства туземных народов полный расцвет каменного века. Еще недавно каменные орудия были в употреблении у многих туземцев Австралии и некоторых областей Азии.

3. Культура пастушеских народов.

Люди древнего каменного века занимались, главным образом, охотой и рыбной ловлей. Они вели бродячий образ жизни, и культура их была очень убога. В эпоху нового каменного века люди научились возделывать некоторые полезные растения и разводить домашний скот. В одних местах люди, как уже было сказано выше, перешли от охоты к земледелию, в других — к скотоводству, в третьих скотоводство и земледелие развивались почти одновременно. В зависимости от того, какое из этих занятий сделалось главным, и культура народа получила особый характер. Там, где укрепилось в качестве главнейшего источника жизни скотоводство, на смену культуры бродячих охотников появилась культура пастухов. Познакомиться с ней можно, наблюдая жизнь современных скотоводческих племен. Правда, современные пастушеские народы пользуются уже металлическими орудиями, но образ их жизни остался тем же, каким был в эпоху неолита.

Обыкновенно думают, что все пастушеские народы непременно ведут кочевой образ жизни. Это неверно, так как среди этих народов встречается немало таких, которые живут или постоянно, или по многу лет на одном и том же месте. Таковы, например, т о д а, живущие в горах Южной Индии, кафры—в Южной Африке. Некоторые пастушеские народы меняют место раз в несколько лет, а некоторые ежегодно совершают передвижения по занимаемой ими области. Все зависит от того, можно ли стадам прокормиться, не покидая данной местности, или же это невозможно. В Центральной и Южной Африке роскошные луга дают обильный корм скоту. Поэтому в Африке кочевой образ жизни развит

сравнительно мало. Там чаще всего встречается оседлое или полуоседлое скотоводство. Наоборот, в степях Азии скот не в состоянии долго держаться в одной местности; в поисках за пищей он вынужден передвигаться из одной местности в другую. Поэтому там утвердился кочевой образ жизни.

Правда, жизнь кочевников и жизнь оседлых или полуоседлых пастухов во многом различна, но разведение скота и уход за ним создает как у тех, так и у других народов, в общем, одинаковую культуру.

Обыкновенно кочевники совершают свои передвижения в пределах определенной области. За границы этой области они выходить опасаются, так как это значило бы навлечь на себя гнев соседних племен. Земля считается обыкновенно общей собственностью племен. Самые передвижения происходят из года в год в определенном, одном и том же направлении. Так, напр., тургайские калмыки проводят зиму в бесснежных степях, прилегающих к северо-восточным берегам Каспийского моря. С наступлением весны они передвигаются со своими стадами дальше к северу, в песчаные степи по реке Нуре и верховьям Волги. Здесь они находят тучные пастбища и хороший водопой. В середине лета начинается засуха, трава исчезает, вода высыхает, и калмыки переходят в низовья Волги, где простираются прекрасные луга, покрытые свежей травой. Глубокой осенью возвращаются они на место зимней стоянки. Подобным же образом проходит жизнь всех кочевых народов.

Жилищем кочевников служит кибитка, легко переносимая с места на место. Она представляет собой деревянный остов, обтянутый войлоком. В середине

кибитки разводится огонь, на котором варится пища. Дым выходит через отверстие в потолке. Другим отверстием в кибитку является дверь, обыкновенно столь низкая, что человек только согнувшись вдвое может пройти через нее. Окон нет. Таково жилище калмыков, киргизов и монголов в Азии.

Не отличается прочностью и жилище готтентотов в Африке, которым также приходится передвигаться со своими стадами с места на место, хотя и не так много, как азиатским кочевникам. Хижина готтентота строится и разбирается в несколько часов. Она состоит из наклоненных друг к другу жердей, которые затем покрываются рогожами и шкурами.

У кафров жилище отличается прочностью. Они построены из толстых кольев, плотно прижатых одна к другой и воткнутых в землю. Крыша заостряется и покрывается тростником и сухой травой. Промежутки между кольями замазываются смесью из земли и коровьего помета. Такие жилища, расположенные полукругом, составляют деревни. Внутри полукруга—место для скота на ночь. Деревня нередко огораживается частоколом. Постройка таких деревень требует много усилий и времени и была бы бесцельной, если бы кафры вели кочевой образ жизни. Надо сказать, однако, что кафры не только пастухи, но и земледельцы, хотя земледелие у них считается побочным занятием. Главное же место в жизни занимает уход за скотом.

У большинства пастушеских народов Африки уход за скотом — занятие мужчины. Они не только пасут скот, смотрят за ним, водят его на водопой, но и доят коров. Доение коров дело трудное. Коровы, целый день пасущиеся на свободе, довольно дики. Чтобы доить их,

им связывают ремнем задние ноги, сначала подпускают теленка, дают ему немного пососать молока и потом уже доят. У большинства азиатских кочевников уход за скотом также составляет дело мужчин. Это не только обязанность, но и право мужчин. Там, где наряду со скотоводством, занимаются земледелием, мужчина смотрит на обработку земли с презрением и предоставляет ее женщинам. Лишь в редких случаях мужчина приходит на помощь женщине при разрыхлении пашни или сборе урожая.

Скотоводы питаются, главным образом, молоком, а там, где умеют приготовлять сыр, также и сыром. Многие пастушеские народы (но далеко не все) употребляют мясо лишь в особо торжественных случаях. Скот они берегут и убивают его лишь по необходимости. Молоко употребляют в скисшем виде. Только дети сосут свежее молоко прямо из вымени коз или коров. Молочные сосуды никогда не моют, и налитое в них парное молоко быстро скисает. Азиатские кочевники с удовольствием пьют кобылье молоко, приготовляя из него кумыс. В песчаных степях употребляют верблюжье молоко.

Занятие скотоводством оказывает огромное влияние на все стороны жизни пастушеских народов. Например, тода смотрят на своих коров и быков, как на высшие существа, за которыми люди должны ухаживать под страхом наказания свыше. Они питаются только молоком и совсем не едят мяса. Убить скотину считается у них величайшим грехом. Пасут скот самые почтенные люди в деревне. Об африканском народе динка (живут в верховьях реки Нила) рассказывают, что все их помыслы направлены на владение рогатым скотом и увеличение своих стад. Уход за скотом у них поста-

влен лучше, чем уход за людьми. Все, что исходит от скота, считается полезным: высушенный коровий помет служит подстилкой для спанья, либо идет на приготовление белой краски, моча употребляется для умывания, либо служит вместо соли, очень редкой в тех местах. За больными животными старательно ухаживают. Скот никогда не бьют, употребляют в пищу только мясо павших или случайно погибших животных. Один наблюдатель жизни динков (Швейнфурт) говорит: «Трудно описать горесть и печаль того, у кого смерть или жестокосердые чужестранцы похитили его скотину. Нередко такие люди проводят много дней, погруженные в глубокую печаль». Другой путешественник (Кооза) говорит о кафрах: «Разведение рогатого скота—их преобладающая страсть. День и ночь их фантазия занята скотом. Они воспевают и хвалят его качества, сравнивают их по разуму с людьми и даже высшими силами. Они думают, что и на том свете они увидят свой скот. Рев рогатого скота, его мощь и страсть в борьбе, его победы и поражения в бою служат для них добрым или дурным предзнаменованиями... Каждое племя имеет племенного быка, в честь которого носит его имя. Каждый знатный человек имеет такого быка, которому он дает различные почетные названия, которого щадят во время войны, которого не убивают и в случае взятия в плен выдают обратно. Болезнь и смерть любимого быка вызывают такие же жалобы и вопли, как болезнь и смерть человека. И так же, как по смерти человека, кафры часто покидают то место, где умер любимый бык».

С раннего детства привыкают скотоводы иметь дело со скотом. Немудрено поэтому, что глаз их наметался

на различениях и особенностях скота. Пастух узнает свою корову среди тысячи чужих, и каждое животное в своем стаде он знает так же хорошо, как отец своих детей. Детские игры и занятия связаны со скотом. Фигуры скота лепят из глины. Их движениям подражают в играх и танцах. Чем больше скота имеет человек, тем больше уважения вызывает он к себе. И, наоборот, люди, потерявшие скот, теряют и влияние среди своих соплеменников.

Азиатские кочевники меньше, чем африканские пастухи, привязаны к своему скоту. Но и у них обычно имеются любимые или особо почитаемые лошади, быки, коровы, которых они украшают и за которыми усердно ухаживают.

Владеют скотом у пастушеских народов мужчины. Владея источниками благосостояния, мужчины, естественно, не считали женщин хоть сколько-нибудь равными себе.

Будучи в приниженном положении у бродячих народов, женщина попала в полное рабство, когда развилась пастушеская жизнь. У всех скотоводческих народов муж получает жену покупкой. Он может иметь столько жен, сколько хочет. Но эту роскошь могут позволить себе только богатые люди. Обычно семья состоит из мужа и жены. Отец обычно берет выкуп за дочь, выдаваемую замуж. Так, в прежние времена у калмыков дочь зажиточных родителей стоила 15 лошадей, 15 коров, 3 верблюда и 20 овец. Давалось кое-что и в приданое, но во много раз меньше. У кафров обычай этот так укоренился, что девушка считает себя оскорбленной, если за нее мало просят или мало дают. И, наоборот, мужчина считает ниже своего достоинства приобретать жену даром.

Если муж имеет несколько жен, для каждой из них он строит особую хижину и каждая ведет особое хозяйство. Очень часто одна из жен считается старшей и наследуют только ее дети. Другие находятся на положении наложниц.

Купленная жена составляет полную собственность мужа, она его рабыня. Всякая его прихоть должна исполняться ею беспрекословно. Муж легко может нарушать супружескую верность, но тот же самый проступок со стороны жены грозит ей смертью. Жена не имеет права требовать развода, а муж может во всякое время выгнать ее из дому. Правда, в таком случае родственники его жены требуют от него возвратить выкуп. Но у многих народов и с этой стороны дело обстоит для женщины плохо: если у нее есть сын, который остается у отца, выкуп не возвращается. И только сильные и богатые родственники в состоянии защитить женщину от дурного обращения со стороны мужа.

Дети точно так же, как и жена, составляют полную собственность главы семейства. Они обязаны беспрекословно повиноваться ему. Отец смотрит на детей, главным образом, с точки зрения пользы, которую они ему приносят. Сыновья представляют желанную в его хозяйстве рабочую силу, а дочери—выгодный товар, продажей которого можно увеличить свои стада.

Семьи, близкие между собою по родству, составляют род. Счет родства ведется по мужской линии, по происхождению от отца. Поэтому пастушеские роды называются патриархальными. Главою рода считается старейший из родственников. Он разбирает взаимные тяжбы и пререкания между родичами, которые обыкновенно держатся вместе, как на стоянках, так и во время

кочеваний. Во время столкновений с врагами, он назначает вождя, если сам по старости не может выполнять его обязанности. Браки между близкими родственниками обыкновенно запрещаются. Мужчины берут себе жен из чужих родов, а женщины могут выйти замуж только за чужеродца.

По сравнению с бродячими охотничьими и рыболовными народами, пастушеские народы ведут более обеспеченную жизнь. Им не приходится уже ежедневно добывать себе пропитание заново. Скот дает им все нужное: мясо, молоко, кости и рога для разных вещей, шерсть и кожу для одежды и жилища. Бродячие народы могли жить только небольшими группами. Скотоводы, наоборот, волей-неволей соединяются в большие общества.

Между разными скотоводческими племенами издавна происходили столкновения из за пастбищ и скота, который при случае всегда похищался чужими людьми. Чем многочисленнее было племя, тем сильнее. А чем оно было сильнее, тем легче отстаивало оно и свои пастбища, и свои стада. Поэтому скотоводы издавна стремились держаться поближе друг к другу. Роды, связанные между собою обменом женщин или одинаковым происхождением, составляли племя, во главе которого стоял самый способный из родовых старейшин. Нередко молодые люди под предводительством своего вождя делали набег на соседей - иноплеменников и отбивали у них скот. Награбленную живую добычу они делили между собою и тем увеличивали свои стада, свое богатство.

У бродячих охотников не могло быть бедных и богатых, все обладали одинаковым достатком. Вернее— все жили в одинаковой бедности. У пастушеских

народов появились богатые и бедные. У каждого хозяина было свое стадо. Он мог его лишиться совсем или отчасти либо от несчастного случая (болезни), либо от лихой руки иноплеменника. Вследствие этого одни беднели, в то время как другие богатели либо, благодаря случайности, либо путем удачного грабежа. Вместе с различием состоятельности появилось различие и в правах: люди богатые составляли знать, которая управляла всеми делами племени. Обыкновенно эта знать брала на себя военную защиту племени, становилась как бы сословием воинов. Но богатство знати было непрочно: разбойничий набег соседей или заразительная болезнь могли сразу лишить богатого всего его достояния. Поэтому среди пастушеских племен не установилось постоянного прочного деления на сословия и классы.

Кочевые народы сыграли большую роль в истории человечества. Имена гуннов, монгол, татар известны всякому, кто изучал историю. Собравшись в одну огромную орду, кочевники нападали на земледельческие страны и производили в них страшные опустошения. Нередко они покоряли земледельцев и надолго водворялись в их стране, как завоеватели и властители.

4. Развитие земледелия.

Основу жизни многих народов эпохи неолита составляло земледелие. Разводили главным образом пшеницу, ячмень и просо. Достоверно известно, что в Египте уже за 6000 лет до нашего времени жители засевали свои поля главным образом пшеницей. Рожь появилась в Европе гораздо позднее пшеницы и утвердилась в ней лет за 800 до Р. Х. Немного раньше, но уже в эпоху металла появился в Европе и овес.

Большинство огородных овощей в каменном веке известно не было. Лишь кое-где разводились горох и морковь.

Вначале почву разрыхляли при помощи заступов и кирки. Лишь в самом конце каменного века появился плуг.

В Европе, Азии и северо-восточном углу Африки (в Египте) земледелие стало разведением злаков (рожь, пшеница, овес, рис, просо). Но не везде и всюду земледельцы занимаются разведением злаков. В жарких (тропических) странах земледельцы разводят хлебное дерево и кокосовую пальму, не нуждаясь в других растениях. Эти деревья своими плодами кормят жителей множества островов в Великом или Тихом океане.

Там же, вместо злаков, жители разводят корнеплодные растения: батат, таро и ямс, заменяющие им наш картофель. Что и как возделывается, зависит от климата страны и растений, какие там имеются. Но все же именно злаки сделались главнейшим предметом забот земледельца.

В жарких странах земледелие не требует от человека тщательной обработки почвы. Без плуга, без бороны и удобрения почва дает прекрасные урожаи. А когда земля истощается, земледельцы переходят на новое место. Африканские негры, например, ведут земледелие таким образом: место для обработки очищается огнем, мотыгой или маленьким топором. Почва разрыхляется широкой и острой на конце лопатой и очищается от сорных трав. Железных лопат во многих местах не употребляют вовсе, потому что думают, будто они отгоняют дождь. Этот обычай свидетельствует о том, что земледелие возникло раньше, чем негры научились выделывать железные вещи, т.-е. в каменном веке.

В начале дождливого времени, когда почва разрыхлена, выходит в поле сеятель. Сделав шаг, он делает ногой ямку, бросает туда несколько семян и ногою же засыпает ямку землей. Так засевается все поле. Сажают сорго, просо, бататы, маниок и другие растения. Нередко одно и то же поле усаживается за раз несколькими растениями. Они поспевают в разное время. В разное время происходит и сбор. Часто, сняв одну жатву, земледельцы на этом же месте сажают другие растения.

Поле негра-земледельца больше напоминает огород, чем поле, и работа его носит огороднический характер. Кругом идет изгородь из можжевельника или другого колючего кустарника. Кое-где стоят вышки, где находится караульщик, пугающий птиц. На полях часто воздвигают особые хранилища для зерна в виде огромных глиняных кувшинов, куда не проникают грызуны, большие охотники до зерна, собранного трудолюбивым земледельцем.

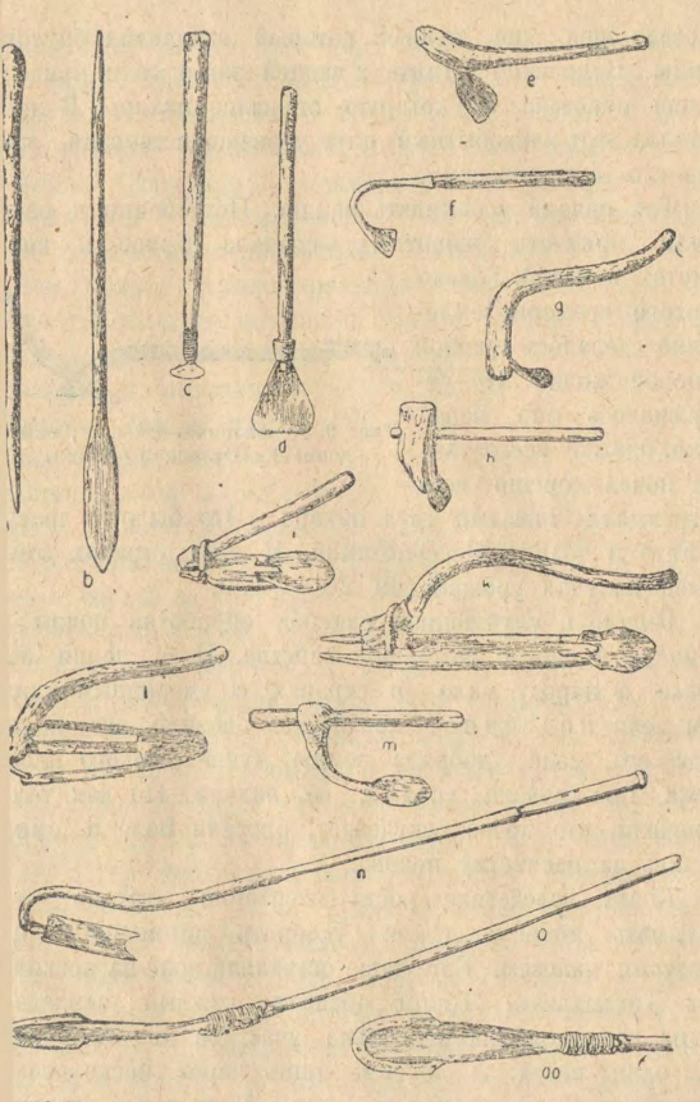
Расчистка поля от кустарника и леса—дело мужчин. Обработкой поля заняты женщины и дети. Сбором урожая заняты все. Так, напр., бывает у кафров, которые наряду со скотоводством занимаются и земледелием. Жатва у них происходит в январе [1]). До этого времени запрещается пользоваться зерном; в прежнее время за это полагалась даже смертная казнь. По окончании сбора маиса и проса происходит праздник жатвы. В хижине начальника устраивается пиршество. Колют быков и в огромном количестве поедают жареное мясо, запивая его пивом; много курят. Лишь после этого праздника начинают есть сбор нового урожая.

[1]) В Южной Африке, где живут кафры, времена года не совпадают с нашими.

В Америке у индейцев и у дикарей, населяющих острова Тихого океана, земледелие также имеет огородный характер и обработка почвы происходит ручным способом, без помощи плуга и скота. Но такое земледелие возможно только в странах с богатой растительностью и тучной почвой. В Европе, большей части Азии и некоторых частях Африки земледелие не могло бы дать основу жизни, если бы оно велось так же, как у африканских негров. Вначале, конечно, везде и всюду земля обрабатывалась ручным способом. Но по мере роста населения, по мере того, как запасы свободных земель все сокращались, земледельцы все упорнее налегали на почву, все лучше старались ее использовать.

Рис. 7. Орудие для взрыхления.

Вместо просто заостренной палки вводится такая же палка с каменным грузилом, что делает ее более удобной для разрыхления земли. Затем появляется мотыка или кирка, еще более приспособленная для полевой работы. Когда требовалось разрыхлить поле больших размеров, работа мотыкой становилась затруднительной. И вот на смену ей идет самая простейшая соха, какую только можно придумать: срубают дерево и очищают его от сучьев, но на нижнем толстом конце оставляют один сук, немного его заостряя. Несколько человек берутся за тонкий край дерева и волочат его по полю, при чем острый сук впивается в землю и разрыхляет ее. Киркой можно было сделать ямку, а такая соха проводила по полю целую борозду. Иногда делали соху и на другой манер: брали бревно и к его концу прикрепляли поперек острый брусок. Такое бревно тащили по полю несколько человек.

ис. 8. Палки для копанья. Полевые мотыги и сошники для плуга.

а сзади шел еще человек который вдавливал брусок в землю. В древнем Египте к задней части сохи приделывалась рукоятка, на которую опирался пахарь. В эпоху металла этот первобытный плуг усовершенствовали, заменив его металлическим.

Так начали вспахивать землю. Постепенно к работе стали приучать животных, сначала быков и коров, а потом лошадей. Только с этого времени земледелие сделалось твердой основой жизни. Но утверждалось оно, вероятно, прежде всего там, где почва хорошо вознаграждала тяжелый труд пахаря. Это было в древнем Египте и долине Мессопотамии. В этих странах земледелец получал урожай сам 200—300.

Рис. 9. Доисторический плуг, найденный в Ютландии (Дания)

Вместе с улучшением способа обработки почвы изменялся и способ ведения хозяйства. Пока земли было много, а народу мало—в странах с умеренным климатом вели подсечное хозяйство. Свозили лес и сжигали его, зола удобряла землю лучше всякого навоза. Пока она давала урожай, ее пахали. Но как только замечали, что почва оскудевает, бросали поле и принимались за расчистку нового.

Когда вследствие роста населения трудно стало подымать новину, стали удобрять истощенное поле скотским навозом. Еще чаще оставляли поле на несколько лет «отдыхать». Таким образом каждый земледелец делил свое поле на несколько участков и обрабатывал их один вслед за другим, лишь через несколько лет возвращаясь к первому из них. Постепенно возникло

трехполье, и до сих пор очень распространенное среди наших крестьян: одно из трех полей «отдыхало», два других вспахивались и засевались. И лишь сравнительно недавно установилась плодосменная система хозяйства, благодаря которой ни один клочок земли не пропадает у пахаря даром. Но эта система была совсем неизвестна первобытному земледельцу.

Чем больше распространялось земледелие, тем все больше укреплялась оседлость. Вместе с тем в каждой земледельческой стране увеличивалась и численность населения. Земля лучше кормила людей, чем скотоводство, охота и рыболовство. Поэтому земледелие содействовало соединению людей и в то же время прикрепляло их к месту.

Рис. 10. Доисторический плуг, найденный близь Берлина в Пруссии.

Охотники не могли жить в одной местности целыми племенами, они бродили небольшими ордами. Пастухи-кочевники объединялись, главным образом, под влиянием внешней опасности. Земледельцев объединяла необходимость общего труда. Одному человеку не под силу расчистить для пашни лесной участок. Этим делом занимается целая деревня. Расчистив землю, деревня владела ею сообща. Но не только владение землей было общим, общим вначале было и хозяйство. Вся деревня сообща обрабатывала поле, сообща собирала урожай, и сбор делили между отдельными семействами или же складывали в общественном амбаре, откуда каждое семейство и брало, что ему надо, по мере надобности. Все деревня составляла одну сельскую общину, коммуну.

Общинное землевладение и общинное хозяйство воцарялось на первых порах всюду, где укрепилось земледелие. Это была эпоха первобытного коммунизма.

Но в своем первоначальном виде этот коммунизм не удержался. Чем больше становилось народу и чем меньше свободной земли, тем все чаще и чаще земля делилась между отдельными семействами. Вместо общего хозяйства развивалось хозяйство частное, семейное. Каждая семья получала в пользование отдельный участок пашни и обрабатывала его своими силами. Семья побольше и земли получала больше. Однако, долгое время земля все же составляла общее владение, принадлежала своей общине. Время от времени происходили переделы земли, и наделы уравнивались.

Но с течением времени наряду с общинным землевладением возникло частное владение землей. Отдельные лица присваивали себе землю, объявляя ее своею собственностью. Разными путями шло развитие частной собственности на землю. Но все эти пути были связаны с развитием промыслов и торговли.

5. Труд и развлечения в жизни первобытных людей.

Наблюдая наших детей, мы не можем не отметить их крайней беспечности, легкомыслия и себялюбия (эгоизма). Они совершенно или очень мало думают о будущем, действуют, подчиняясь минутным настроениям, и воображают, что все на свете существует ради их удовольствия. И лишь с возрастом возникает у них забота о будущем, выдержка и внимание к интересам других. Первобытные люди во многих отношениях походят на наших детей, и, пока беспечность, легко-

мыслие и эгоизм держали их в своих тисках, человеческая культура подвигалась вперед с необычайной медленностью.

Об этих детских свойствах первобытного человека свидетельствуют многочисленные наблюдатели жизни современных дикарей. Подобно детям, они не любят размышлять. Разговоры на необычную тему (о богах, об истории, о явлениях природы и т. п.) очень быстро их утомляют. Длинных рассуждений они не переносят и потому могут поверить всякой вздорной мысли. Занимаясь каким-нибудь одним делом, они иногда бросают его на половине, так как увлекаются другим. Один наблюдатель жизни индейцев говорит, что, отправив кого-либо с письмом, он никогда не был уверен, что письмо дойдет по назначению: несмотря ни на какое вознаграждение, посланец, будучи в пути, нередко соблазнялся охотой или посещением приятеля и о письме забывал.

Дикарь думает только о себе и притом мало интересуется тем, что будет с ним завтра. Он озабочен, главным образом, сегодняшним днем. Если он сыт и в тепле, он чувствует себя вполне удовлетворенным и ни за что не примется за какой-либо полезный, но ненужный для данного момента труд. Вообще, за работу он принимается в самый последний момент, когда уж иначе нельзя. Один путешественник по Африке пишет о неграх: „Самая незначительная и для негра необходимая работа откладывается как можно далее. Туземец проводит день в лени и бездействии, хотя бы он отлично знал, что к ночи он будет нуждаться в глотке воды и вязанке дров; и тем не менее он не двинется до заката солнца и лишь тогда, а, может быть, когда совсем уже стемнеет, позаботится о самом необходимом“.

Все эти свойства дикарей в значительной мере объясняются суровыми условиями их жизни. Бродячему охотнику, первобытному рыболову или земледельцу пропитание дается с величайшим трудом. Он тратит на этот труд много силы и всякий раз нуждается в усиленном отдыхе. И, разумеется, без особенного воодушевления принимается вновь за ту же работу.

Но не только самое добывание пищи, ее приготовление также требует от дикаря сложной, трудной и хлопотливой работы. Зерна необходимо вылущить, затем растереть, что делается чаще всего при помощи каменной ступки или ручной мельницы, и из полученной муки наделать лепешек. Корни таро, плоды ямса, риса, маниоко и других питательных растений требуют больших хлопот и много времени. Стряпня у некоторых земледельческих народов представляет столь сложное и трудное дело, что этим в значительной мере объясняется у них многоженство.

При убогости орудий, которыми располагает первобытный человек, всякая вообще работа становится по необходимости сложной и тяжелой. Чтобы добыть пеньки и льна и приготовить из них грубую ткань, требуется около двадцати различных операций, из которых некоторые, как, например, выдергивание, трепание, прядение, тканье, крайне утомительны. Тканье из волокон одного местного растения на острове Мадагаскаре в Африке идет так медленно, что нередко проходят целые месяцы, пока поспеет один кусок ткани. В восточной Африке ткач работает не больше трех часов в день и ему нужно неделю, чтобы приготовить один кусок материи. Северо-американский индеец употребляет несколько лет, чтобы выдолбить из дерева челн: дерево иногда загнивает раньше, чем вещь будет готова,

Люди никогда не проявляли излишней склонности к труду. Всегда и везде старались они работать лишь столько, сколько это необходимо для поддержания жизни. Но и забота о жизни на первых порах ограничивалась сегодняшним днем. И только суровое бремя нужды заставило людей все больше думать о завтрашнем дне. Меньше всего развита эта забота у бродячих народов, сильнее она у пастухов и еще более развита у земледельцев. Чем сложнее становится жизнь, чем гуще заселяют люди какую-либо страну, чем разнообразнее их занятия, тем дальновиднее, старательнее и способнее к продолжительному труду становится человек.

Но не только голая нужда учила людей труду. Не малую роль сыграло при этом стремление людей к украшениям. Мы уже знаем, что дикари страшно любят себя украшать. Они делают себе замысловатые прически, причем нередко употребляют, за неимением других средств, глину, коровий помет и мочу для того, чтобы придать волосам желаемую форму. Они обвешивают себя ожерельями из раковин, блестящих камешков и звериных зубов; нацепляют на себя птичьи перья и надевают звериные шкуры. У многих диких народов тело покрывают сложными рисунками и краской (татуировка). И вещи свои дикари стремятся украсить всевозможными рисунками или придать им особую красивую форму. Все это требует усидчивого труда, и дикари с величайшим старанием проводят часы над выделкой украшений. И в то время, как полезный труд вызывал в них скуку и тоску, и в то время, как они старались всячески избавиться от всякой излишней работы, выделка украшений была единственной школой труда. В этой школе дикарь приобретал мало-по-малу выдержку, внимательность, усидчивость

и ловкость, — свойства, без которых немыслимо было дальнейшее развитие человеческой культуры. А вместе с развитием культуры люди постепенно теряли и те особенности первобытного человека, которые делали их похожими на детей.

Таким образом, как это ни странно на первый взгляд, суетная страсть к побрякушкам, легкомысленная погоня за украшениями, стремление к щегольству в одежде и предметах обихода, все эти «слабости» человеческие сыграли огромную роль в выработке тех качеств у человека, благодаря которым он вышел из звериного состояния.

Вообще, правильный, планомерный труд, требующий усидчивости, терпения и сильного напряжения внимания, был долгое время человеку совершенно не под силу. В одних случаях его усаживало за работу желание удивить других блеском своей персоны, украшенной затейливой прической, красивым ожерельем, пестрой татуировкой, в других — он соединял скучный труд с веселой забавой. Нередко работу он превращал в игру и тем самым делал ее для себя приятной и легкой.

Забава соединялась с трудом как бы сама собой. Значительная часть работ требует от человека равномерных движений. Когда происходит, например, в наших деревнях молотьба хлеба, по окрестности разносится равномерный звук цепов. И чем правильнее следуют друг за другом удары цепов, тем, значит, успешнее идет работа. Слушает рабочий эти звуки и старается подымать и опускать свой цеп в такт (в согласии) с другими. И, вместе с тем, веселее становится работать, не столь тяжелым кажется труд. У дикарей всякая работа сопровождалась песнями, планомерным стуком и даже танцами. Равномерное «туд-туд-туд» слышно во

всей африканской деревне, где женщины заняты толчением зерна в деревянной ступе. Такие же плавные звуки раздаются на островах Таити, когда там выколачивают кору, из которой делается тамошняя материя. У многих земледельцев Африки обработка поля производится сразу несколькими работниками, при чем они ходят один за другим и в такт подымают и опускают свои лопаты. Про жителей Моллукских островов пишут, что всякая совместная рабста в лесу, в поле и т. д. сопровождается у них пением. У жителей островов Таити были особые песни для рыбаков, особые для строителя лодок, особая песня пелась при рубке дерева, особая при спуске судов на воду.

И каждая, вообще, работа сопровождалась песней, приспособленной к движениям, которых требует данная работа. Песни увеселяли работающих и облегчали их труд.

Облегчая себе работу забавой, дикари в то же время с величайшим удовольствием отдаются всякого рода развлечениям. Особенно много и часто они танцуют. Танец практикуют дикари при каждом удобном случае, даже тогда, когда современным людям и в голову не приходит танцовать. Перед началом битвы дикари выполняют воинственный танец, издавая грозные крики и потрясая оружием. Танцуют они и при заключении перемирия или мира. Обычны танцы у дикарей во время похорон. Один путешественник по Африке видел, как танцовали вокруг трупа покойника. Несколько женщин ходили кругом трупа, поворачиваясь вокруг самих себя. К ним подходили другие женщины, пока не составился громадный круг женщин, вращавшийся вокруг трупа. Но, конечно, все эти погребальные танцы имели рели-

гиозное значение. Такое же религиозное значение носили танцы в звериных масках. При лечении больных чародеи также сплошь и рядом выполняют особый танец, надевая иногда на лицо какую нибудь свирепую маску, чтобы напугать злого духа, сидящего в больном.

Но чаще всего танцы представляют просто веселое времяпрепровождение, хотя и в этих случаях дикари приурочивают их к каким-нибудь событиям: свадьбе, посвящению юноши, сбору урожая и т. п. Танцы дикарей совсем не похожи на размерные и плавные движения, которые привыкли видеть мы на наших балах и вечерах. Дикари прыгают и кривляются, кричат и хохочут, казалось бы, без всякого толку. Нередко они подражают во время танцев движениям и ухваткам разных животных. Есть танец медведя, лисицы, быка, кенгуру и т. п. Часто в танцах изображается какая-нибудь работа: например, посев и сбор зерна. В дни особых празднеств, продолжающихся в течение многих дней, дикари танцуют все ночи напролет, при свете костров, иногда с факелами в руках, и тогда танец принимает характер необузданного веселья.

Пляски часто сопровождаются пением, хлопаньем в ладоши в такт танцующим, боем барабанов, хлопаньем трещеток и игрой на других первобытных музыкальных инструментах. Кроме танцев, у дикарей в ходу и другие развлечения: поединки на палках, всевозможные игры и т. п. Нередко можно видеть у дикарей нечто вроде театральных представлений. В них принимает участие много народа, чуть не все селение, зрителей нет, все актеры. Смотря по роду занятий (охота, скотоводство, земледелие), представления изображают охоту, войну, жизнь животных, привычки и повадки домашнего скота,

разные земледельческие работы (посев, жатву, молотьбу и т. п.), словом, они изображают то, что по опыту хорошо известно дикарю и чем он особенно занят. Все поют, а некоторые выполняют требуемые смыслом представления движения (пантомима). Нередко при этом надеваются маски, изображающие звериные и птичьи головы. Разумеется, все движения актеров имеют подобие танца или же танцами сопровождаются.

Дикари вызывают в себе возбуждение и искусственным путем; они большие охотники до всякого рода опьяняющих напитков и (в Америке) до курения табаку. Разумеется, разводят табак и усердно готовят напитки народы, уже достигшие искусства возделывать полезные растения.

Так, в труде, всегда тяжком и утомительном и всегда неравномерном, и в развлечениях всякого рода проводят свою жизнь дикари. И чем первобытнее они, тем в большей мере у них игра скрашивает труд. Уменье трудиться развилось постепенно, и только у цивилизованных (образованных) народов явилось то резкое разделение между трудом и забавой, которого почти не ведал первобытный человек.

VI.

Бронзовый и железный век.

Когда люди познакомились с обработкой металлов, изделия из камня и кости стали постепенно исчезать из обихода жизни. В самом деле, орудия и оружие из металла куда лучше, крепче и изящнее каменных и костяных изделий. И как только люди получили возможность сравнивать качества тех и других изделий, каменному веку приходил конец. Как уже сказано выше, в разных странах конец каменного века наступил в разное время. В то время, как в Египте, напр., уже за 4000 л. до Р. Х. металлические орудия были в полном ходу, в северной Европе они представляли собою еще величайшую редкость 2.000 лет спустя.

Изучение свайных построек в Швейцарии дало возможность установить, как шло развитие века металла. В одних из этих построек не найдено ни малейшего следа каких-либо металлических вещей, в других среди изделий из камня, рога и кости попадаются в небольшом количестве инструменты и оружие из чистой меди. Затем встречаются постройки, где главнейшими орудиями и оружием являются изделия из бронзы. Были и такие места, где среди массы бронзовых изделий попадаются небольшие украшения (кольца, серьги) из железа. Таким

образом, на смену или, лучше сказать, в дополнение к каменным орудиям сначала явились орудия из меди, а затем и то и другое заменила бронза, на смену которой пришло железо.

Итак, медь была первым металлом, с которым познакомились люди. Правда, золото было известно в некоторых странах еще раньше. Но это такой металл, из которого не сделаешь ни топора, ни молотка, ни ножа. Дикари находили иногда кусочки самородного золота и, как красивые раковины, например, привешивали их себе на шею. Поэтому и считают, что из полезных металлов люди раньше всего познакомились с медью. Когда, в какой стране и каким образом произошло это знакомство, неизвестно. Вероятнее всего, жители Европы не сами дошли до обработки медной руды, а научились этому искусству у более культурных народов Азии. Надо полагать, что именно в этой стране впервые расплавлена была медная руда и получена медь. Произошло это в эпоху наивысшего расцвета неолитической культуры, когда люди достигли уже высокого искусства в обработке камня, кости и рога. Весьма возможно, что однажды, ничего не подозревая, люди положили куски медной руды, как обыкновенные камни, около или даже внутри очага. Огонь расплавил руду, и люди с изумлением увидели блестящую горячую жидкость, которая затем застыла, превращаясь в прекрасного цвета твердую массу. При той ловкости, которой обладали уже люди нового каменного века, они весьма скоро сумели использовать вновь открытое вещество.

Однако, медь не могла заменить собою камня. Маленькие вещи, вроде булавок, шил, игл, застежек, колец, кинжалов, выходили из нее хорошо, но тяжелые

и твердые топоры и молоты гораздо лучше получались из камня.

Неизвестно также, когда и как изобрели люди бронзовый состав (бронза—сплав из 1 части олова и 9 частей меди). Сплав этот отличается значительно большей твердостью и красотою, чем простая медь, и потому скоро совсем вытеснил ее в качестве поделочного материала. Чтобы получить бронзу, нужно иметь под рукой медь и олово. Было бы чрезвычайно интересно выяснить, при каких обстоятельствах получен был человеком первый кусок бронзы. К сожалению, глубокий мрак покрывает этот вопрос. Надо думать, что бронза вначале выделывалась только в тех местах, где медь и олово встречались на недалеком друг от друга расстоянии. В древней Персии и Малой Азии, где много медных и оловянных залежей, расположены поблизости одна от другой, а также в некоторых местах Сибири надо искать древнейших очагов бронзовой культуры. Впоследствии жители Европы стали пользоваться медными рудниками Испании и оловянными Англии (в древности Англию так и звали — Оловянные острова).

Искусство получать из руды чистый металл и ковать или лить из него разные вещи не всем доступно. Поэтому, в эпоху бронзового века выделка орудий и оружия из металла стала делом специалистов, которые только этим и жили. В Австрии в гористой местности Тироле найдены древнейшие в Европе медные рудники. На довольно значительной высоте в горе прорыты были ходы, и медная руда извлекалась оттуда при помощи разного рода приспособлений. Пласты руды согревали, сжигая около них целые бревна. Когда руда давала трещины, в нее вбивали деревянные клинья и выламывали ее

целыми кусками. Вынесши ее в кожаных мешках или на носилках на поверхность, при помощи жерновов раздробляли ее на мелкие куски и, собрав в кучу, обжигали на костре. Медь расплавлялась и стекала в особые ямы, откуда ее брали глиняными черпаками и наливали в формы из песчаника. Или же оставляли лежать, пока не остынет, а затем в еще медных болванках отправляли в какое-нибудь селение, где из нее выделывались вещи. Это происходило в особых мастерских.

Из бронзы выходило превосходное оружие. Кроме острых мечей, пик, стрел и кинжалов, из бронзы выделывали также шлем и кольчугу. Вероятно, народы с бронзовым оружием пришли в Европу с Востока и покорили здешних жителей. Многочисленные находки бронзового века рисуют нам весьма сложную и разнообразную жизнь этой эпохи. В то время были властители, окружавшие себя ослепительной роскошью, строившие себе огромные каменные дворцы; были царедворцы и богачи, носившие пышную одежду и украшавшие себя и свое жилищв всякими драгоценностями. Прекрасно сделанные вазы, чаши, ожерелья, перстни, серьги, кольца и множество других предметов роскоши, а также рисунки на вазах и стенах дворцов свидетельствуют о пышной роскоши, в которой жили тогда господствующие слои населения. Есть намеки на существование рабства. Таковы следы бронзового века на острове Крите, недалеко от берегов Греции (за 3000—2500 лет до Р. Х.).

Рис. 11. Орудия и предметы бронзового века.

В северных странах Европы жизнь была скромнее, но и там, благодаря обработке металла, она очень далеко ушла от быта каменного века. Наряду со скотоводством и земледелием в это время получила большое развитие торговля. В эту пору люди научились и писать.

Научившись добывать медную и оловянную руду, люди вообще обратили внимание на всякие рудоносные земли и таким путем пришли к добыванию железа. Железная руда гораздо труднее поддается обработке, и потому железо стали добывать только тогда, когда овладели техникой добычи и обработки более легких медной и оловянной руды. Сначала железо шло на выделку украшений. Для нас это кажется странным, но люди бронзового века, наоборот, с гордостью носили железные кольца и браслеты на своих руках. Когда же искусство добывания железа из руды достигло значительной высоты и люди научились добывать его в больших количествах, это последнее постепенно вытеснило бронзу. Железные топоры, мечи, кинжалы, молотки оказались куда прочнее и тверже, чем бронзовые, и изделия из бронзы стали играть роль украшений. Наступил железный век, в который мы живем, в сущности, и по настоящее время.

В Египте и Месопотамии железные изделия появились за 1500 л., а в южной Европе (в Греции) за 1000 лет до Р. Х. К северу от Греции, в средней Европе, железо вошло в обиход жизни еще позднее.

VII.

Развитие промыслов и торговли.

В первобытные времена люди находились в постоянном передвижении. Конечно, без особой нужды они не покидали той местности, где обитали. Но недостаток пропитания или сильные соседи могли заставить их уйти далеко от родины. Особенно часто это случалось с кочевниками. Поэтому издавна люди разных племен и стран встречались между собою. Эти встречи часто бывали кровавыми: племена истребляли друг друга в жестокой борьбе за обладание удобной и нужной им местностью. Но нередко они носили и вполне мирный характер. Тогда люди знакомились с чужими обычаями, нравами, верованиями, а также с изделиями, которых у них самих не было, и произведениями чужой природы. Особенно часты стали такие мирные сношения между народами, когда возникло соседство между охотничьими, рыболовными, пастушескими и земледельческими племенами. В таком случае между ними неизбежно возникал обмен: земледельцы выменивали зерно на рыбу, дичь и скот, охотники в обмен на свою дичь получали плоды и зерна и т. п. Так возникла первобытная торговля. Одновременно с торговлей возникли и разные ремесла.

Как у первобытных охотников, так и у первобытных скотоводов и земледельцев, все, что нужно для жизни, делалось дома. Орудия, оружие, посуда,—все это мастерили в каждой семье. Не было надобности все это покупать, да и негде было, и денег тогда еще не водилось. Женщины, занимаясь домашним хозяйством, положили начало многим ремеслам. Так, они делали посуду. Сначала они пользовались для этой цели раковинами, черепами, челюстями крупных зверей, тыквой, скорлупою кокосовых орехов и т. п. Затем стали делать плетеные корзины. Заметив, что глина твердеет на огне, они обмазывали ею эти корзины снаружи и, высушив на огне, получали горшки и сосуды. И до сих пор еще приготовление глиняной посуды составляет женское дело у многих народов Африки, Америки и на островах Великого океана. Мужчины положили начало тем ремеслам, которые были связаны с их занятиями охотой и войной: приготовление оружия, выделка кожи и т. п. Но уже в самые древнейшие времена появились особенно искусные мастера по выделке разных нужных в хозяйстве вещей. К тому же не всегда и везде находился под рукою материал для оружия. Не всякий камень годился для топора, ножа или наконечника стрелы, а только кремень и схожие с ним камни. Где такого камня было много, а где мало. В местах, обильных кремнями, возникли целые мастерские для приготовления каменных орудий. Разумеется, этим делом стали заниматься наиболее искусные люди.

Мастерами на первых порах обычно становились старики или инвалиды, неспособные к обычным мужским занятиям. Свое искусство они передавали помощникам. По мере того, однако, как нужда в специали-

стах все больше росла, мастерством стали заниматься и вполне здоровые люди. Так мало-по-малу возник класс ремесленников. Прежде всего появились мастера по выделке оружия. Конечно, охотники и воины сами изготовляли свои копья, луки, стрелы и топоры. Но не всегда у них выходило хорошо. И тогда они обращались к мастеру, давая ему в обмен мясо и другие предметы питания. Так обстояло дело, например, у многих индейских племен в Америке до появления там европейцев. У племени оджибвеи каменные наконечники стрел изготовляли особые ремесленники. Они умели выбирать подходящие камни и, кроме своего ремесла, ничем другим не занимались; на свои изделия они выменивали мясо и кожи.

Чем сложнее становится хозяйство людей, тем больше всякого рода изделий делается разными мастерами, тем все больше и больше развиваются ремесла. Сначала глиняную посуду делала каждая хозяйка сама. Потом этим делом стали заниматься особые ремесленники. Когда возникла обработка металлов, появились особые мастера, специалисты этого дела—кузнецы. Они добывали руду, выделяли из нее железо, ковали его и составляли разные сплавы. Не всякий мог заниматься кузнечным делом, и у многих диких народов на кузнецов смотрят, как на чародеев,—до того мудреным кажется их дело. Таким путем среди диких народов,—главным образом, среди земледельцев—появились разного рода ремесленники—кузнецы, оружейники, кожевники и т. д. А появление ремесленников усилило торговлю, которая долгое время и по роду товаров и по приемам обмена носила весьма своеобразный характер.

Теперь торгуют хлебом, мясом, одеждой,—словом, самыми важными для жизни людей предметами. В древ-

нейшие времена торговали по преимуществу предметами украшения и прихоти. Первобытные люди были большие охотники до украшения своей персоны. Они раскрашивали свое тело всякими цветами и рисунками, утыкали головы яркими перьями, носили на шее, руках и ногах ожерелья из цветных раковин, камешков и звериных зубов. Краски в те времена готовить еще не умели и употребляли вместо них цветные глины. Не везде можно было достать такую глину, и где она имелась в изобилии, сюда приходили за ней издалека, верст за 100 и более. Такие места часто считались общим достоянием всех племен, но еще чаще находились в полном владении какого-либо одного племени. В таком случае хозяева этого места требовали в обмен за драгоценную глину интересные и нужные для них вещи: оружие, украшения и т. п. Нередко пришельцы пытались силой овладеть нужной им глиной. Но это не всегда удавалось, и постепенно между хозяевами и пришельцами устанавливался мирный обмен, вроде обмена подарками. В этом обмене подарками и состояла древнейшая торговля.

Вот что рассказывает один из путешественников об индейцах, проживающих в южной части Северной Америки: «Какой-нибудь народец или племя подходит к какому-нибудь поселку и около него разбивает свой лагерь. После обмена всякими любезностями, одна из сторон передает другой все те вещи, которые она желает сбыть. Другая сторона коротко и ясно отвечает на это присылкой таких вещей, которые ей не очень нужны. Торг заканчивается разными играми, состязаниями и танцами».

Во многих случаях устанавливался обычай немой торговли. В чем заключается немая торговля, видно хотя

из следующего случая. В 1767 году один английский корабль подошел к острову Таити (в Великом океане). Туземцы встретили англичан крайне враждебно, но после неудачной для них схватки решили заключить мир. Для этой цели они улучили время, когда англичане находились на корабле, и незаметно для последних принесли и положили на берег несколько связанных свиней, а сами скрылись в лес. Англичане забрали свиней, положив вместо них топоры и гвозди. Туземцы, выждав, чтобы англичане уехали с берега, забрали эти вещи. Лишь после этого установился между ними мир, и началась прямая меновая торговля.

В центральной Африке своеобразная немая торговля практикуется издавна между земледельцами и лесными охотниками. Охотники ночью пробираются на поля земледельцев, забирают, сколько им нужно, зерна и плодов, а взамен оставляют мясо и дичь.

В одной из местностей Африки торговля солью происходит таким образом. На определенное место приходит толпа негров с тюками соли на голове. Принесенная соль раскладывается на кучки, и затем люди удаляются на целые пол дня. Вслед за ними сюда является другое племя негров, приехавших на лодках. Они рассматривают соль и кладут возле каждой кучки некоторое количество золота, после чего уходят. Владельцы соли, возвратившись, забирают золото и, оставив соль, уходят. Соль забирается после того владельцами золота. Иногда дело решается не так быстро, те и другие приходят и уходят по несколько раз, заставляя прибавлять то золота, то соли.

В древности такая торговля практиковалась необыкновенно широко во всех странах света. Такой ориги-

нальный способ обмена товарами объясняется тем, что люди разных стран и племен не питали друг к другу доверия. Человек для человека представлял заманчивую добычу: его можно было пленить и продать в рабство. Очевидно, на этой почве и возникло столь сильное недоверие к чужим людям, что боялись с ними встретиться даже тогда, когда, казалось бы, это было необходимо. Чтобы избежать возможных столкновений и придуман был немой способ обмена, при котором дело обходилось без встреч, без разговоров, споров и разгара страстей. Постепенно, однако, немая торговля уступила место прямому обмену, вроде того, какой мы видели у индейцев Сев. Америки. Торговцы разными товарами привыкают сходиться в определенных местах, где и вступают в обмен. Эти места обычно бывают в пригранычной полосе. Нередко торговля ведется так: во время торга сюда являются с той и с другой стороны несколько сот вооруженных людей и располагаются в некотором отдалении друг от друга лагерями. Человек 30—40 с товарами выходят навстречу друг другу с каждой стороны и вступают в обмен. Пока торговля еще не стала обычным и необходимым делом, обмен то и дело заканчивался взаимной потасовкой, при чем бывали убитые и раненые. Вот почему меновая торговля очень часто происходила в присутствии вооруженных людей.

Однако, с течением времени торговля у некоторых народов входит в обиход жизни столь глубоко, что без нее трудно становится приобретать нужные для жизни вещи. Тогда возникает забота об охране тех мест, где происходит обмен. Охрану этих мест взаимного обмена — рынков—берут на себя начальники племени, области или деревни. Они запрещают в эти места ходить с ору-

жием в руках, устраивать драки и вообще мешать спокойному и мирному обмену. Нередко нарушители этих запрещений подвергались смертной казни.

Бывало, что какое-нибудь ремесло особенно сильно распространялось среди какого-либо одного племени, и тогда люди того племени доставляли свои произведения всем желающим из других племен. Так, в Южной Америке встречаются племена, которые занимаются, главным образом, или постройкой лодок, или приготовлением гамаков, или выделкой какой-либо кухонной посуды и т. д. В Африке также встречаются целые деревни, занимающиеся сплошь каким-либо ремеслом, — ткацким, кузнечным, горшечным и т. д. Разумеется, в таких случаях торговля составляет для обитателей этих деревень необходимое занятие: иначе они не могли бы получить все то, чего они не выделывают, но что необходимо им для жизни.

Рис. 12. Кусок кирпичного чая, употребляемый в качестве денег в центральной Азии.

Нередко бывали случаи, что торговлю забирал в свои руки начальник племени. В таком случае иностранные купцы должны были вступать в обмен только с ним. Разумеется, вся прибыль от обмена доставлялась начальнику.

Так, наряду с занятием земледелием, скотоводством и охотой возникали занятия разными ремеслами и торговлей. Появились ремесленники и торговцы. В тех странах, где ремесла и торговля пустили глубокие корни

в народе, жизнь стала гораздо более сложной, разнообразной, чем у бродячих охотников кочевников или первобытных земледельцев.

Торговля долгое время велась без денег. Но, когда она установилась, тогда появились и деньги. Но только эти деньги очень мало походили на наши. Насколько трудно вести торговлю без денег, показывает следующий рассказ одного путешественника (Камерона) по Африке. Находясь в одном селении, он хотел купить нужную ему для дальнейшего пути лодку. Хозяин лодки потребовал

Рис. 13. Кусок каменной соли в роли денег.

в обмен слоновой кости, которой у путешественника не оказалось. Узнав, что слоновая кость имеется у другого туземца, он обратился с просьбой продать ему кость. Тот пожелал получить в обмен одежду. И этого у Камерона не оказалось. Тогда он отыскал человека, у которого можно было получить одежду, но только в обмен на проволоку. К счастью, проволока у Камерона оказалась налицо, и вот он обменял ее на одежду, одежду на слоновую кость, а слоновую кость на лодку. И такого рода неудобство возникает при меновой торговле всегда, когда она принимает широкие размеры. Это неудобство устраняется употреблением денег. Правда, первобытные деньги совсем не имели вида монет или кредиток. Деньгами становился какой-нибудь ходкий, всеми ценимый товар.

В одних местах это был скот, в других—сушеная рыба, в третьих—раковины, служившие украшением, в четвертых—бруски каменной соли и т. д. В каждой местности заводились свои деньги. Это был товар, который все охотно принимали. А ведь суть денег в том и состоит, что всякий охотно их принимает. Имея этот товар, человек мог получить за него все, что ему было нужно. Монеты появились у народов, достигших высокой культуры. Первобытные же народы обходились и без монет, хотя и додумались уже до денег.

VIII.

Развитие древнейшей власти.

Мы привыкли к той мысли, что все люди живут в каком-нибудь государстве. Поэтому нам странным кажется то время, когда государства вовсе не было. Так именно было и в эпоху палеолита, и в эпоху неолита. Не было государства, не было и государственной власти. Но это вовсе не значит, что среди людей царила вражда и что обиженному негде было найти себе защиту. Всегда и во все времена существовала какая-нибудь общественная организация, которая предоставляла своим членам защиту их интересов, не давала их в обиду чужим и устанавливала мирные отношения между своими.

Самые древние люди жили небольшими группами человек в 30—50. Такая группа—или орда—вела, как мы видели, бродячий образ жизни. Если она сильно размножалась, то распадалась на две орды, которые и расходились в разные стороны. На одном месте большому числу людей жить было трудно.

Какая же власть была в такой первобытной орде? Мы уже видели, что она принадлежала старикам или

вернее пожилым. В орде, численностью в 50 человек, таких стариков было, вероятно, человек пять—шесть. Они и руководили всеми делами орды. Среди них выделялся какой-нибудь особенно опытный, знающий старик, который особенно уважался всеми членами орды.

В такой орде не было экономического неравенства, т.-е. не было ни богатых, ни бедных, ни людей, занятых разными делами. Она состояла из мужчин и женщин, при чем женщины, благодаря своей слабости, подчинялись мужчинам. Между мужчинами имел значение только возраст. До наступления половой зрелости мужчина не считался полноправным членом орды (или племени). По наступлении половой зрелости он считался взрослым, а достигнув 45—50 лет он признавался уже стариком (вернее пожилым). Старики составляли самую влиятельную группу в орде только благодаря своим знаниям и своему житейскому опыту. Это первоначальное общественное устройство изменилось, когда занятие охотой уступило свое место занятию земледелием и скотоводством.

Земледелие, как мы видели, было сначала делом женским. Женщина первая начала разводить приносящие пищу растения. Мужчины еще занимались охотой, когда женщина уже получала в изобилии растительную пищу со своих полей. В эту пору устройство орды приняло другой вид, чем раньше. Женская половина орды садилась на землю. Год—другой она проводила на одном и том же месте, сажая растения и собирая урожай. Около женщин находились их дети. Мужья женщин бродили и лишь временами приходили сюда. Дети росли под присмотром матери и, выростая, старались держать-

ся вместе. Но, когда приходила пора жениться, братья покидали сестер, уходя в другой женский поселок; жениться на своих сестрах было нельзя. Но сестры не уходили к своим мужьям; наоборот, мужья приходили к ним. Так как женщины имели свой собственный источник пропитания, то они приобрели большую самостоятельность. Они сами кормили себя и даже подкармливали мужей и братьев, когда тех постигала неудача на охоте.

Брак в те времена был групповой: несколько мужчин и несколько женщин считались между собой общими мужьями и женами. И дети их были общими. Но при такой форме брака дети не могли знать, кто из мужей матери является их отцом. Отца они не знали, а знали только мать. И родство они вели по матери, вернее, по материнской группе. Название этой группы переходило и к детям. Родственники по матери (или по матерям, т. к. несколько матерей жили вместе) старались держаться вместе и защищать друг друга от всяких обид со стороны чужих людей. Так возникла родовая организация, которая носит название материнского или матриархального рода.

Старики и здесь играли руководящую роль. Но это были старшие в роде, обыкновенно братья матери.

Когда, вследствие увеличения населения, охота совсем перестала кормить, мужчины также стали заниматься земледелием. Мало-по-малу они забрали все главные земледельческие работы в свои руки, оставив женщине занятие домашним хозяйством. Но раз основа хозяйства, земледелие, стало мужским делом, значение женщины опять упало,—она вновь попала в зависимое положение от мужчин.

Родовая организация еще более окрепла, но род постепенно сделался отцовским. Дети стали считать свое происхождение не по матери, а по отцу. В это время исчез и групповой брак. В брак вступали попарно: женщина и мужчина. Бывали, впрочем, нередки случаи, когда муж имел несколько жен. При такой форме брака дети хорошо знали, кто у них отец. И для мужчины-хозяина теперь было важно знать своих детей. На земле мало-по-малу установилась частная собственность. Она переходила по наследству от отца к сыновьям. Всякий должен был заботиться о том, чтобы точно знать своих детей. Поэтому от женщин, вышедших замуж, требовалось строгое целомудрие, и всякое нарушение ими супружеской верности строго наказывалось.

Все родичи распадались обычно на несколько семей, каждая семья вела сама свое хозяйство, но они оказывали друг другу всяческую помощь. Старший в роде разбирал ссоры между родственниками. А если кого обижал чужой, то за него должны были вступиться все его родичи. Человеку «без роду, без племени» плохо жилось тогда: его всякий мог обидеть, так как некому было заступиться за него. Власть в роде принадлежала старшим. В семье она была в руках отца или деда. Самый старший из отцов или дедов и был родовым старейшиной.

Размножаясь, роды раскалывались, вместо одного получалось два рода. Постепенно возникало несколько близких по происхождению родов, которые и составляли племя. Всякого рода недоразумения между родами одного и того же племени старались уладить мирным путем, для чего время от времени сходились на совет старейшины родов. Но все же каждый человек только

тогда получал защиту своих прав и интересов, когда он принадлежал к какому-нибудь роду. Без этого он продолжал быть беззащитным.

У народов пастушеских также упрочилась родовая организация с властью отца в семье—**патриархальный** род.

Когда население увеличилось еще более, между отдельными племенами возникла борьба из-за земли. Хотя земли везде было много, но хорошей земли, вполне пригодной для земледелия, стало не хватать. И вот начались переселения племен в более удобные для земледелия места, а так как эти последние бывали уже заняты, то из-за них разгоралась война. Победители либо прогоняли противников, либо покоряли их и делали их своими рабами. Когда земледелие стало главным источником существования, пленники стали цениться как рабочая сила, которую можно применить к земледельческому труду.

Занятую территорию надо было охранять от вторжения других племен, жаждущих земельного простора. Все это вместе привело к тому, что власть в племени перешла от совета старейшин в руки военного вождя. Вождь—это наиболее опытный в военном деле человек, который сначала имел власть только во время войны. Но когда война стала обычным явлением в жизни народов, его власть стала постоянной и сильной.

Кроме войн между земледельческими племенами, происходили войны между земледельцами и кочевниками. Земледельцы обычно были богаче, у них было больше запасов пищи и всякого добра. Поэтому кочевники очень охотно устраивали походы в земледельческие стра-

ны. В случае удачи они возвращались с большой добычей и пленными.

Постепенно земледельческие племена распались на два слоя—слой воинов и слой земледельцев. Воины прекратили обработку земли. Они захватывали пустующие земли и сажали туда пленников-рабов, которые возделывали их и кормили их владельца. Таким образом возник класс крупных землевладельцев, которые в то же время были и воины. А вождь, стоявший во главе их, становился королем или князем.

Ради защиты от общих врагов иногда объединялось несколько племен. А иногда сильное племя подчиняло себе несколько более слабых, заставляя их признавать власть своего князя или короля.

Так, уже в глубокой древности, еще в эпоху бронзового века, возникли первые племенные государства.

Родовая организация долго еще сохранялась, но она потеряла уже прежнее значение. Между людьми исчезло прежнее равенство. Появились знатные и незнатные роды. Кроме того, во время войны и переселений отдельные роды перемешались. Земледельцы селились вместе, деревнями, не по родству, а как пришлось. Да к тому же над властью рода возникла власть государя и его слуг.

Богатство и бедность, неизвестные родовому и еще более древнему обществу, стали обычным явлением в жизни нового общества, которое можно назвать территориально-племенным (территория—земельная площадь, территориальным новое послеродовое общество можно назвать потому, что людей сближала теперь и объединяла не родственная связь, как раньше, а жизнь в одной и той же области, на одной и той же территории). В этом обществе возникла сильная государственная власть, кото-

рой не было раньше. Появилась знать, окружавшая властителя и разделявшая с ним власть над трудящимся населением.

Первые такие государства возникли в ту эпоху, о которой мы знаем только на основании развалин городов, крепостей и древних могил. Ни устное предание, ни самые древние записи ничего не говорят нам о них.

IX.

От почитания душ к поклонению богам.

Мы уже знаем, что первобытные люди, ведя еще бродячий образ жизни, испытывали суеверный страх перед мертвецами. Они думали, что душа умершего живет и может причинить людям всякие неприятности. Душа не всегда нераздельно связана с телом. Она превращается в червя, змею, птицу и других животных. Но она может поселиться и в любом камне или дереве. Душа, отделившаяся от тела, может переходить из одного предмета в другой, может существовать и сама по себе, в таком случае она имеет вид пара или облачка. Эти самостоятельно живущие души воображение и мысль дикаря превратили в духов. И таких духов дикарь во множестве открыл вокруг себя. В шелесте листвы ему слышался шопот невидимых существ. В завываниях ветра он слышал вопли духов. В раскатах грома ему чудился разгневанный голос какого-то страшного небесного существа. Всюду и везде, по его мнению, живут духи. От них человек получает либо поддержку, либо препятствия своим начинаниям. И боязнь духов, страх перед ними заставил дикаря почитать духов. Он стал им поклоняться, умилостивлять их, пустил в ход всякие чародейства, чтобы одних духов склонить в свою пользу, других обез-

вредить. В разных странах почитание духов выливалось в разные формы.

В Африке среди негров сильно распространен фетишизм. Фетишем называется какой-либо предмет, в котором поселился дух. Засохший пень дерева, принявший своеобразный вид, особенной формы камень или холм невольно наводят суеверного дикаря на мысль, что здесь поселился дух. Нередко делается деревянная или глиняная человекоподобная фигура, которую считают фетишем и воздают ей поклонение. В случае какого-либо важного происшествия устраивается торжество в честь фетиша. Деревянную фигуру фетиша приносят на площадь, он убран всякими побрякушками, обвешан кусочками железа и утыкан гвоздями. Все это следы прежних празднеств. За фетишем следуют два негра с украшенными перьями инструментами—деревянной трещоткой и гигантским рогом. Дикие оглушительные звуки рога и трещотки разносятся далеко по окрестности. Музыкантов окружает шумящая и кричащая толпа. Когда шествие доходит до назначенного места, перед фетишем становится начальник селения, он же главный жрец. Произнося молитвы и заклинания, он вбивает в фетиша новый гвоздь. Это значит заставить фетиша исполнить то, о чем его просят. Празднество заканчивается пением и плясками.

Для сделанного из дерева или глины фетиша—идола—иногда возводится особое помещение, хижина. Эта хижина является зачатком храма. Кроме изображения духов, дикари-земледельцы очень охотно изображают усопших в виде деревянных и глиняных фигурок. Для этих изображений также строят особые хижины, прообразы храмов.

В родовом обществе почитание духов стало почитанием предков. Люди особенно заботились о душах умерших родственников, при чем наибольшим уходом пользовалась душа главы семьи и главы рода. Отправляя покойников на тот свет, в могилу их клали принадлежащие им вещи. Ежедневно, во время еды, бросали в огонь на очаге крошки пищи и капли питья, думая, что вместе с дымом пища попадет туда, где обитают души — духи. Время от времени устраивали поминовения умерших. Так почитала каждая семья своих умерших. Это почитание предков легло в основу почитания и властителей племени, когда они умирали. Некоторые из таких умерших властителей занимали среди предков-духов особенно почетное место. Их почитали, как самых сильных духов, превращая их в богов.

Мало-по-малу люди стали подразделять духов на добрых и злых, главных и второстепенных. Главные духи стали богами. Богам они поклонялись так же, как и духам, а духов они почитали вначале как души умерших людей. Почитание душ было созданием всяких почестей умершему. Душа умершего, думает дикарь, это и есть сам человек, его желания есть желания души. То, что человек считает приятным, важным для себя и нужным, то же самое приятно, важно и нужно, по мнению дикарей, и для души. Важнее всего для живых людей пить и есть. То же самое важнее всего и для души после смерти человека. Вот почему первобытные люди самой главной заботой о покойнике считали заботу о его прокормлении. Они отправляли его в могилу с запасами пищи, они приносили ему пищу на могилу. А так как дух то же, что и душа, то и почитание духов выражалось в приношении им пищи, жертвы. Жертвоприношение

духам сменилось затем жертвоприношением богам. И боги, по мнению дикарей, прежде всего и главным образом ценят всякую пищу. И нет лучше способа умилостивить их, как принести им жертву. Так сотворил себе человек бога по образу и подобию своему.

Духи и боги являются покровителями человеческих занятий. Охотники имеют своих особых покровителей, пастухи и земледельцы—своих, ремесленники и торговцы, воины и жрецы—своих. Если среди какого-либо народа установились разнообразные занятия, то каждое такое занятие имело своих духов и богов-покровителей. Им приносили жертвы, их просили о милости, им молились, произнося разные заклинания и проделывая чародейские обряды. Из этих заклинаний и обрядов составилась мало-по-малу целая наука. И люди, усвоившие себе эту науку—жрецы—стали посредниками между людьми и высшим миром богов и духов.

В течение довольно долгого времени дикари не имели особого интереса к вопросу о том, где же собственно живут люди (или их души) после смерти. Но постепенно утвердилась вера в загробную жизнь. Жизнь за гробом является, по их мнению, прямым продолжением земной жизни. У южно-американских индейцев, равно как и у многих негрских племен Африки, существует обычай хоронить покойника в его хижине, при чем он оставляется в сидячем положении и с запасом пищи. Индейцы верят, что дух усопшего по ночам отправляется на охоту, а с наступлением утра вновь возвращается в свою хижину. Жители островов Фиджи (на Великом океане) думают, что после смерти люди живут семьями, возделывают землю, охотятся,—словом, ведут обычную свою жизнь. Пастухи населяют загробный мир своими стадами,

а рыболовы надеются найти там обильные рыбой реки, озера, моря. Словом, понятие о загробной жизни у каждого народа свое, особенное. Но все они мыслят ее по образцу обычной земной жизни.

В связи с этими верованиями возникли особые обряды погребения. В могилу с умершими клали пищу, одежду, оружие и орудия. У некоторых народов вместе с покойниками зарывали в землю и сжигали нарочно убитых его лошадей, верблюдов, коров. Существовали даже еще более поразительные обычаи: за своим господином на тот свет должны были идти его жена и часть его слуг. Так обстояло дело у скифов, населявших южно-русские степи за 5 веков до Р. Х. Так было и у некоторых славянских племен.

Представляя себе загробную жизнь по образцу земной, первобытные люди по-разному мыслили себе место загробной жизни. Одни думали, что душа обитает около своей могилы или где-либо в кустах, либо в лесной чаще. Так верили в самой глубокой древности. Другие думали, что души живут на высокой горе или в пещерах. Третьим местопребыванием душ считали заморские края, подземный мир или облака и небо. Все эти верования возникли у разных народов в зависимости от условий их жизни. Так, например, береговые индейцы Южной Америки утверждают, что сами они приехали из страны, лежащей по ту сторону океана. После смерти душа человека возвращается на старую родину.

В зависимости от веры в загробную жизнь находятся и погребальные обычаи. Всюду и везде покойников снабжают, как уже было сказано, пищей и необходимыми для жизни вещами. Покойника либо зарывали в землю, либо укладывали на особую подставку и оста-

вляли тело на открытом воздухе. Иногда труп сжигали или укладывали его в лодку и пускали вниз по реке. Могилы знатных людей (вождей, жрецов) украшали каменными глыбами, или насыпали над ними высокий холм (курган).

Населивши всю природу духами и богами, люди придумали много всяких сказаний о древних временах, о первых людях, о создании земли и неба. Такие сказания существуют у всех диких народов, и люди глубоко верили, что все так на самом деле и было, как в этих сказаниях повествуется.

Впоследствии, когда вместо первобытной орды появилось сложное государство с правителем во главе, войском, знатью, ремесленниками, земледельцами и рабами, жрецы обработали все эти сказания. Они переработали их, кое-что выкинули, кое-что прибавили, кое-что изменили и таким путем составили нечто вроде свода религиозных законов, «закон божий». В записанном виде этот свод получил название «священного писания». И люди верили, что книги священного писания содержат всю доступную человеку премудрость, источником которой являются боги или единый бог. Бог или боги открыли людям эту премудрость. Отсюда наименование сказаний священного писания откровением. Но такая обработка религии произошла уже за пределами первобытной истории.

Сила религии огромна. Она заставляет человека созидать во славу божества величественные храмы и жертвовать на них значительную часть своего достояния. От времен нового каменного века сохранились огромные сооружения, свидетельствующие столько же об искусстве, сколько о силе верований тогдашнего человека.

Во Франции, в провинции Бретань часто встречаются на полях гигантские каменные сооружения, прозванные там **долменами** (от слова дол (dol)—стол и мен (men)—камень) или каменными столами. В самом простом виде долмены состоят из нескольких поставленных на ребро плоских камней и каменной на них покрышки. Получается нечто вроде огромного каменного ящика с входом внутрь. Повидимому, все его стены, кроме входа, тщательно засыпались землей; теперь она обвалилась и многие долмены стали действительно походить на грубой работы столы. Для таких построек камень нередко доставляли издалека, и доставка эта была связана с большими трудностями, так как камни были огромной величины и значительного веса. Так, точно установлено, что некоторые камни достигали 400 пудов в весе и доставлялись верст за 30 от места постройки. Ясно, что постройка таких сооружений была делом огромной массы организованных людей.

Средних размеров долмены имеют в длину около сажени, в вышину немного меньше. Большие долмены—свыше 7 саж. длины и до полутора сажен высоты. Внутри находили черепа и кости погребенных здесь людей. Ясно, что долмены это могильные сооружения. Это не могилы отдельно похороненных людей, это нечто вроде общих кладбищ для целого селения. Поколение за поколением сносило сюда трупы своих покойников и к небольшому вначале сооружению прибавляли все новые и новые стены и крышу.

Кроме Франции, много долменов встречается в Дании, Швеции и Норвегии, Англии, Ирландии и Шотландии, а также в Бельгии и Голландии. В Германии они попадаются только в северной и западной части.

На юге и востоке их совершенно нет. Эти гигантские сооружения издавна привлекали к себе внимание населения, казались таинственными и волшебными и назывались то «гунскими погребами», то «могилами великанов», то «чортовыми камнями».

В Крыму и на Кавказе встречаются долмены, относящиеся к началу бронзового века. На юге Европы, а также и в Азии долмены имеют вид сравнительно небольших могильных памятников.

В той же Бретани наряду с долменами и часто по соседству с ними встречаются так-называемые менгиры (от слов местного наречия мен—камень и гир—длинный—menhir). Это длинные, округлой формы, прямостоящие камни довольно значительной высоты. Самым высоким менгиром является Локмарьянский менгир, высотою до 12 сажен и весом до 3 тысяч пудов. Но он уже не стоит, а лежит, разбившись при падении на несколько глыб.

Назначение менгиров и до сих пор еще не выяснено. Наиболее правильным следует считать мнение французского ученого Обермайера, который думает, что менгиры это памятники в честь выдающихся людей, героев. Перед этими изображениями героев совершались, вероятно, религиозные служения и волхвования. Коегде на менгирах вырезаны какие-то знаки. Вероятно, думали, что внутри их живет душа того лица, в честь которого они воздвигнуты.

Полутора и двухсаженные менгиры иногда устанавливались в круг, и тогда получалось сооружение, получившее название кромлех (от бретонских слов кром—круг и лех—место, cromlech). Здесь было место религиозных собраний и жертвоприношений. Живущие

потомки племени встречались здесь с своими предками, души которых обитали в камнях.

Рис. 14. Сооружения из каменных глыб (кромлехи), сделанные древними кельтами в Англии.

Отдельно от кромлехов, а иногда в связи с ними нередко ставились менгиры в один и несколько рядов. Иногда огромное поле устанавливалось несколькими

рядами этих таинственных сооружений. Самым знаменитым из таких полей является поле у Карнака в Бретани, где 2813 менгиров, расположенных в 11 рядов, тянутся на протяжении полутора верст. «Аллеи камней—говорит Обермайер—представляли собой священные дороги, образованные столбами предков,—по ним двигались торжественной процессией верующие; кромлехи представляли собою святилища, где исполняли свои обязанности жрецы. Карнак был, по всем вероятиям, знаменитым далеко по всей стране местом паломничества [1]), в долменах которого желали быть похороненными члены самых известных родов и где самые выдающиеся лица стремились соорудить менгиры в честь своих предков. К сооружениям, представляющим собою храмы, во времена религиозных празднеств жители собирались со всех сторон, подобно тому, как магометане, даже со своими покойниками, совершают паломничества в священную Мекку».

Менгиры и кромлехи встречаются в большом количестве в северных странах, в Англии, Швеции, Норвегии и Дании.

Долмены, менгиры и кромлехи являются наиболее интересными и грандиозными сооружениями конца неолита и начала века металла. Но, кроме того, сохранилось огромное количество могил, где ученому наших дней попадается богатейшая добыча в виде костей, черепов, остатков одежды, украшений и изделий.

Духи умерших, а также боги нередко изображались в виде каменных изваяний. Это были либо небольших

---

[1]) Паломничество—путешествие к святым местам.

размеров идолы, либо саженные менгироподобные камни с грубо высеченным в верхней их части лицом.

В эпоху бронзового и железного века появляется множество предметов религиозного культа: священные колесницы, статуэтки и т. п.

X.

Происхождение речи и зачатки письменности.

Возможно ли развитие культуры среди людей, не умеющих говорить? Этого мы не знаем. Но мы прекрасно знаем, что та культура, которую создавали люди в течение веков, совершенно была бы немыслима, если бы они не умели говорить. Речь сама является одним из творений культуры, но в то же время она и двигатель культуры. При помощи речи люди сообщают друг другу свои мысли. При помощи языка они думают и мыслят: не будь речи, они не могли бы мыслить. Всякая мысль непременно связывается с словами, при помощи слов держится в человеческой голове. Слова— хранительницы знаний. При их помощи младшее поколение получает от старшего все его знания и передает их, с добавлением своих собственных приобретений, в свою очередь, поколению следующему. Было, однако, время, когда люди не умели говорить, когда они обходились вовсе без языка. Вероятно, это было в ту отдаленную пору, когда люди только что выделялись из прочего животного мира, когда они сами еще были в большей степени животными, чем людьми. Превращение этих полуживотных, полулюдей в настоящих людей

(вроде севременных дикарей) шло одновременно с развитием их речи и их разума.

Человеческая речь представляет собою массу всевозможных звуков. Звуки эти, связываясь друг с другом, образуют слова, и каждое слово в уме человека связано с каким-нибудь представлением или понятием, или образом предмета, его качества и действия. В жизни людей, а, стало быть, и в развитии культуры значение имеет членораздельная речь, т.-е. речь, явственно разделенная на слова. Слово, сказанное одним человеком, вызывает в уме другого определенный образ или представление. Но, чтобы люди могли действительно понимать друг друга, необходимо, чтобы слова ими произносимые, имели для них одинаковое значение. В противном случае, т.-е. если одно и то же слово (или звукосочетание) понимается одним так, а другим иначе, оно не может быть средством общения: люди не будут тогда понимать друг друга. Каким же образом случилось так, что люди стали придавать определенным звуковым сочетаниям (т.-е. словам) одно и то же значение? Ответив на этот вопрос, мы раскроем тайну происхождения языка.

Правда, языков много. Кроме языков, на которых говорят десятки и сотни миллионов культурных людей в Европе, Азии и Америке, существуют еще языки диких племен. В лесах Бразилии живет много диких народов, и каждый из них говорит на своем особом языке. То же самое найдем мы и в Африке и в Австралии. Вообще же на земном шаре существует не менее 800 разных наречий. Следовательно, один и тот же предмет (например, рука) имеет не менее 800 различных названий. Каждый народ вырабатывает свои соб-

ственные названия, т.-е. «изобретает» свои собственные слова, для другого народа непонятные. Но, несмотря на все это великое разнообразие наречий, все они произошли одинаковым способом.

Зачатки речи можно заметить даже у животных. Собаки воют, ворчат, лают, т.-е. издают разнообразные звуки, значение которых другие собаки отлично понимают. Мы по собственному опыту знаем, что собаки способны понимать некоторые слова, которые произносят их хозяева. Собака бросается вперед, когда ей говорят: «пиль», она поджимает хвост и уходит из комнаты, когда хозяин говорит ей: «вон». Одна собака живо бросалась в комнату и занимала место под столом, когда слышала слово «обедать». Но что значит понимать то или другое слово? Это значит связывать в своем уме с этим словом представление о каком-нибудь вполне определенном предмете, действии или совокупности предметов и действий. Не однажды слыша слово «обедать» как раз в то время, когда люди садятся за стол, собака привыкает соединять в своем уме время еды с этим словом.

Куры также быстро приобретают способность соединять с известными звуками вполне определенные представления. Когда они слышат «цып, цып, цып», они опрометью бегут на зов, так как по опыту знают, что эти звуки означают приглашение к еде. Цыплята отзываются на известные звуки наседки, а куры—на зов петуха. Эти и многие другие примеры свидетельствуют, что зачатки языка имеются уже у животных.

Человекообразное существо, разумеется, не составляло исключения, оно издавало множество всевозможных звуков, из которых впоследствии сложилась члено-

раздельная человеческая речь. Мы знаем, что у современных дикарей запас слов не велик и он дополняет свою речь размахиванием рук (жестами), гримасами (мимикой) и то повышением, то понижением голоса (интонацией). У его предков жесты, мимика и интонация играли еще более значительную роль в общении друг с другом. Еще не умея говорить, дикий человек (или получеловек) пел без слов, бормотал про себя, свистал, причмокивал губами, словом, издавал разного рода звуки. Маленькие дети в этом отношении очень похожи на отдаленных наших предков. Они как бы говорят без слов, издавая то длинные, то короткие звуки, бормоча что-то себе под нос, всячески обнаруживая звуками свое душевное состояние.

Но слова, т.-е. звукосочетания, с известным значением, понятным для многих, возникли лишь в ходе совместной деятельности, надо полагать, в ходе общей работы. Первобытные люди, как мы знаем, никогда не жили в одиночку, всегда группами или ордами. Нужда заставляла их нередко совместно работать, например, ловить рыбу, вырубать лес, взрыхлять землю. Всякая совместная работа идет веселее, если люди участвуют в ней не только руками и ногами, но и голосом. При этом возникает удивительная вещь: между движениями, которые совершают работающие, и звуками, которые они при этом издают, устанавливается большое согласие. Всякая работа, как мы уже знаем, состоит из повторяющихся движений. Повторяя определенные движения, работающий произносит одни и те же звуки. Так возникло, между прочим, много песен (напр., у нас «Эй, дубинушка, ухнем»), вначале, правда, без слов. Но при этом могла возникнуть привычка при известной

работе повторять известные звуковые сочетания. Старший в группе или вожак, призывая к работе, испускал определенный звук, который люди привыкли произносить при известной работе, и все понимали, что это означает: они должны приняться за дело.

Целый ряд ученых, занимавшихся вопросом о происхождении языка, утверждают, что древнейшие слова человеческой речи (вернее: корни слов) означают действия, необходимые при разного рода работах. Так в ходе совместной работы возникли звукосочетания, получившие в сознании членов группы (или племени) совершенно определенное значение. Произнося эти звукосочетания (т.-е. слова), человек расчитывал, что другой человек из той же самой группы его легко поймет. Здесь перед нами и лежит начало членораздельной человеческой речи. Само собою понятно, что у разных народов одни и те же действия связывались с различными звукосочетаниями, т.-е. у разных народов возникли разные слова для обозначения одной и той же вещи.

С самого начала возникло много языков.

Первоначально слово обозначало целое предложение. Говоря, напр., «рубить», дикарь имел в виду сказать: «пора приняться за рубку леса», и все его понимали. Это понимание облегчалось тем, что говорящий сопровождал свои слова жестами и мимикой. Обладая небольшим запасом слов, человек ухитрялся, однако, выразить при их помощи большое количество мыслей. Одно и то же слово служило ему для обозначения разных вещей. Но, чтобы его понимали, ему необходимо было дать понять слушателям, что, собственно, хочет он им сказать, употребляя для разных обозначений одно

и то же слово. Достигал он этого тем, что произносил это слово разным тоном («на разные голоса», разной интонацией). Вот, например, фраза, записанная одним путешественником по Сиаму (в Индокитае): «Кхай, кхай, кай, кхай, кхай на кхай». Здесь, собственно, три слова (кхай, кай, на), но одно из них повторяется четыре раза. Вся фраза означает вопрос: «Разве никто не продает в городе яиц?». Слово «кхай» произносится на разный манер, и, смотря по тому, как оно выговаривается, оно прибретает и неодинаковое значение.

Как ни проста речь дикого человека, все же она возвышает его над животными. Человек обязан своим возвышением над миром животных своему вертикальному, прямостоячему положению, своим рукам, пальцы которых являются для него первоначальным орудием, подобного которому нет у других животных, и своей речи, неразрывно связанной с умственной работой. Человек стал мыслить понятиями только после того, как он научился говорить.

Язык людей находится в полном соответствии с их культурой. У народов бродячих он менее развит, чем у народов оседлых. У этих последних он развивается вместе с усложнением занятий и всей вообще жизни.

В течение многих десятков тысяч лет люди обходились без уменья писать. Записывать свои мысли и свои дела и передавать таким образом грядущим поколениям свой опыт и свои знания первобытный человек не умел. Это искусство возникло среди людей сравнительно недавно. Свыше 230 тысяч лет продолжался каменный век, и лишь в конце этого века возникли первые зачатки письменности. Это искусство, следовательно, возникло около 6000—7000 лет тому назад. Боль-

шую часть своего исторического шествия по трудному пути культурного развития люди прошли как бы в потемках. Никто из них не записывал событий своего времени, и нам с необыкновенным трудом приходится воссоздавать в нашем воображении душевный облик человека тех времен. Недаром историю людей начинают с изобретения письменности, а всю предшествующую этому времени эпоху называют доисторическим временем. Письменность есть средство запоминания людьми своей истории; до этого они жили как бы вне истории. Каким же образом дошли люди до этого искусства?

В настоящее время письменность каждого народа состоит из знаков—букв, буквы соединяются в слова, слова в предложения. Все свои мысли современные люди могут выразить на бумаге при помощи двух-трех десятков знаков—букв. Ничего подобного первобытный человек не ведал. Не умел он делать бумагу и не догадывался придумать азбуку, чтобы писать. И тем не менее у него была своя особая, совершенно отличная от современной, письменность. Не сразу придумал он ее, а лишь медленно и постепенно, шаг за шагом, изобретая все новые и новые способы для передачи другим своих мыслей и желаний.

К чему сводится умение писать? К умению разбирать условные знаки, сделанные другими, и самому эти знаки делать. А таким умением люди обладали задолго до изобретения письма. Только знаки, которыми они в целях взаимного оповещения пользовались, были совсем иного рода, чем письмена. Известно, что дикари отлично разбираются в следах, оставленных на земле зверями, птицами и людьми. Там, где мы ровно ничего

не разбираем, дикарь быстро соображает, кто эти следы оставил, давно ли здесь проходил и сколько именно прошло по этому месту зверей или людей. В этом умении проявляется уже зачаток искусства чтения, правда, в таком виде, что теперь никому и в голову не придет называть это умением читать. Разбирая разного рода природные, естественные, сделанные ненамеренно знаки, люди и сами придумали разного рода знаки, чтобы при помощи их общаться друг с другом.

Так, во многих местах Африки, Америки, Австралии дикари дают друг другу знаки при помощи дыма. Они разводят громадные костры на высоком месте, и дым, высоко подымаясь вверх, дает знак далеким соплеменникам либо прийти, либо скрыться, либо еще что-нибудь делать, о чем заранее было условлено. В Америке туземцы на далеком расстоянии переговариваются друг с другом при помощи знаков рукою. Чтобы запомнить число дней или число убитых зверей или еще какое-либо число, люди в глубочайшей древности (еще в старом каменном веке) употребляли деревянные палки или куски рога, чтобы делать на них нарезки или насечки для памяти. У многих народов придуманы знаки для обозначения того, кому принадлежит какая вещь. Эти знаки, вырезанные на дереве, камне или на чем-либо другом, представляют собою зачатки письма. Именно из этого рода знаков развилась впоследствии настоящая письменность. У современных австралийцев в большом ходу деревянные палочки с нацарапанными на них фигурками, черточками и кружками. По этим знакам австралиец легко разбирает, о чем идет речь, о чем эти знаки говорят. Однако, эти знаки понятны лишь небольшому числу посвященных.

Но уже в самое древнее время люди пользовались знаками, для всех понятными: это были рисунки. Люди старого каменного века, бродячие охотники и рыболовы, отлично умели рисовать разных животных. Свои рисунки они делали на камне, дереве и кости. Само собою разумеется, куски дерева с рисунками давным-давно сгнили. Сохранились до нашего времени только рисунки на камне и кости. Первобытный художник не имел в своем распоряжении ни полотна, ни бумаги, ни карандашей, ни множества искусственно приготовленных красок. Он действовал острым каменным резцом и тремя природными красками: черной, коричневой и красной.

Пользуясь рисунками, дикари употребляют их для своего рода письменных сношений. Так, например, индейцы нескольких племен обратились к американскому президенту с просьбой обеспечить им распоряжение озерами, расположенными в их стране. Прошение представляло рисунок, на котором изображено шесть фигур животных и одна человеческая. Головы и сердца фигур задних соединены с головой и сердцем передней (журавль), а от головы журавля, кроме того, протянута нить к нескольким пятнам, изображающим озера. Фигуры—это тотемы племен. Под предводительством племени журавля они обращаются с просьбою к президенту не нарушать той связи, которая объединяет их по отношению к озерам.

Такая манера письма укрепилась в древнем Египте. Так развилось настоящее искусство писать при помощи рисунков. Стены египетских храмов, гробниц и других памятников их строительного искусства, сохранившихся до нашего времени, покрыты *иероглифами*, письменами, состоящими из рисунков. Правда, эти рисунки

очень просты. Они передают предмет в самом упрощенном виде (напр., кружком изображается солнце). Каждый рисунок передает какое-нибудь понятие; напр., рисунок лошадь—понятие лошадь. Но ведь есть такие понятия, которые нельзя изобразить рисунком, напр., понятия добрый, мудрость, свет и т. д. В таком случае египтяне делали условные знаки. Так, кружок обозначал и солнце, и свет, и разум. Когда он изображал солнце, он наглядно передавал вид солнца, которое каждому представляется ярким кружком. Когда же начертанный на камне кружок должен был изображать мудрость, то он был не рисунком, а условным знаком. С течением времени картинное письмо заменилось письмом при помощи условных знаков. Древние вавилоняне, изображавшие письменность одновременно с египтянами (за 6—7 тысяч лет до нашего времени), употребляли особые знаки в виде клиньев, отчего их письменность называется клинописью. Обитатели острова Кипра или население соседних с ними местностей изобрели звуковой алфавит, а древний торговый народ—финикияне усовершенствовали его. Каждый звук своего языка они стали обозначать особым знаком—буквой. Это очень упростило письмо, сделав его доступным для всех. Финикийская азбука легла в основу европейских азбук.

XI

Древнейшие центры культуры.

В бесконечно отдаленной древности зародилась человеческая культура. Первыми ее созидателями были люди, более убогие по своим способностям, знаниям и умениям, чем самые дикие люди нашего времени. Но проходили одно за другим тысячелетия, десятки и сотни тысячелетий, и, постепенно поднимаясь все выше и выше, дошла человеческая культура до нынешнего своего состояния, когда человека не без основания называют «царем природы». Но не во всех местах земного шара развивалась культура с одинаковой быстротой. Почти одновременно вышли разные человеческие племена на дорогу культурного творчества, но и до сих пор еще многие из них влачат жалкое существование, весьма близкое к быту отдаленнейших своих предков, первобытных людей. Многие как бы остановились в своем развитии, и в течение сотен, а может быть и тысяч лет ведут один и тот же образ жизни. И только народы Европы создали современную культуру стали, стекла, пара и электричества. В чем же дело? Чем объясняется такая огромная разница в исторической судьбе народов?

От многих причин зависели развитие или застой человеческой культуры. Среди этих причин первенствующую роль играют производительные силы людей, т.-е. способы, умения, приемы и орудия труда, при помощи которых они обеспечивают свое материальное благополучие. А то или иное развитие производительных сил находится в сильной зависимости от природных условий, среди которых живет тот или другой народ. Возьмите страны крайнего севера. Страшно длинная, снежная, суровая зима, очень короткое лето, необычайно скудная растительность и бедность животными породами—таковы особенности этих стран, мешающие их обитателям создать высокую культуру. Суровая природа мало дает человеку и много требует от него труда и заботы, чтобы дать ему и это малое. Вся жизнь полярных жителей, напр., эскимосов, проходит в тяжкой борьбе за существование. Многих усилий стоило им приспособиться к условиям жизни среди снегов и льдов. Они научились строить подходящие жилища, шить теплую одежду, приобрели большой навык в охоте на моржей и тюленей, словом, приспособились к полярной природе во всем своем обиходе и на этом остановились. Пути дальнейшего развития для них закрыты. И в течение веков ведут они неизменно все тот же образ жизни. Некоторые ученые полагают, что эскимосы прямые наследники людей конца старого каменного века.

Но и в жарких тропических странах культура поднялась не очень высоко. Жители Африки и южной оконечности Азии столь же древнего происхождения, как и европейцы, но как дика их жизнь по сравнению с европейской! Если крайний север подавлял

развитие культуры страшной бедностью своей природы, то тропические страны подавляли ее необычайным изобилием своих естественных богатств. Всюду и везде, на каждом шагу находят здесь люди огромные запасы растительной пищи. Бананы, хлебное дерево, кокосовая пальма и другие растения жарких стран кормят людей почти без всякого со стороны последних труда. Роскошная почва дает изобильный урожай при самой поверхностной ее обработке. И человеку, который так легко получал пропитание, нечего было стараться над изобретением новых орудий и открытий новых способов труда. Крайне медленно полз он по лестнице развития, и в то время, как европейский человек стал владыкой мира, он все еще остается дикарем.

Человеческая культура стала быстро развиваться лишь в странах с умеренным климатом, в странах, где человеку нужно было усердно трудиться, но где его труд вознаграждался обилием необходимых для жизни благ. Замечательно, что древнейшими очагами такой богатой культуры были четыре страны с почти одинаковой в общем природой: Китай, Индия, Двуречье (Месопотамия) и Египет. Огромные реки протекают по этим странам, разливаясь весной на большое расстояние и покрывая почву плодородным илом. После спада воды эта почва дает великолепный урожай (сам 100, 200, 300), и небольшой клочок земли, разработанный усердным земледельцем, награждает его и его семью пропитанием на целый год. Но, чтобы обеспечить себя достаточным запасом зерна, жителям приречных долин необходимо было прилежно трудиться и приспособить разливы реки к нуждам земледелия. И во всех этих

странах уже с глубокой древности люди рыли каналы, чтобы отвести воду от реки, куда следует, и делали водоемы, где сохранялась вода, оставшаяся от разлива, в течение целого года. Уход за каналами, водоемами, обработка земли, сбор урожая—таковы были основные работы жителей приречных долин в названных странах. Они создали богатые земледельческие поселки, которые привлекали к себе жадные взоры соседних кочевников. Не однажды погибали эти поселки в огне, гибло имущество, вытаптывались поля, разорялось до тла население. Но потом вновь вырастали,—люди, как муравьи, восстанавливали свои жилища и опять принимались за свою прежнюю работу. Ради безопасности поселки объединялись, создавали военную силу, устанавливали над собою власть. Так возникали в этих странах государства, которые то мирным путем, то путем покорения сильными слабых объединялись в одно государство.

Так возникли древние государства: Египет, Вавилон, Индия, Китай.

Культура китайцев и индусов развивалась особо, самостоятельно, независимо от влияния на них культуры других народов. И Китай, и Индия окружены горами и степями. С другими образованными народами они не сталкивались, и потому культура Индии и Китая не имела на Европу почти накакого влияния. Другое дело культура Месопотамии и Египта. Уже в древнейшие времена эти страны находились во взаимных сношениях, и через народы, воспринявшие вавилонскую и египетскую культуры, восточная культура повлияла на жизнь народов южной Европы, которые в свою очередь оказали влияние на культурное развитие народов сред-

ней и северной Европы. Так искусство обработки металлов пришло в Европу с Востока.

За 4000 лет до Р. Х., когда в Европе еще царил каменный век и жили полудикие народы, по культуре своей стоявшие не выше нынешних негров Африки, в Египте и нижней Месопотамии существовали уже города, были развиты земледелие, всевозможные ремесла и торговля, люди умели писать [в Халдее (Вавилоне) писали на глиняных дощечках]. За 3000 лет до Р. Х. здесь уже существовали сильные государства и возводились огромные каменные храмы и гробницы.

Приблизительно за 1500 лет до Р. Х. нынешняя Греция, острова Эгейского моря (архипелаг) и западные берега Малой Азии покрылись древне-греческими поселениями. Греки, или народы, близко им родственные, заселили эти места и завели торговые сношения с восточными странами. Впоследствии весь почти Балканский полуостров покрылся греческими государствами, и здесь расцвела богатейшая культура, достигшая высшего расцвета в V—III веках до Р. Х.

Гораздо позднее заселился Апеннинский полуостров, где ныне расположена Италия. Там в VIII веке до Р. Х. возникло римское государство, впоследствии, около времени рождения Христа, владевшее уже всеми странами, расположенными вокруг Средиземного моря. Но еще до римлян Апеннинский полуостров населялся многочисленными народами, из которых этруски являются наиболее известными. Это был воинственный народ, под игом которого вначале находились и римляне. Каменные гробницы, статуи, рисунки на стенах, посуда, оружие, сохранившиеся со времен этрусков, свидетельствуют о высокой культуре, достигнутой этим народом.

К северу от этих народов за несколько столетий до Р. Х. поселились кельты (или галлы), германцы и славяне. Сначала явились кельты, потом германские племена и, наконец, славяне. В то время, когда римляне были образованным народом, эти народы имели еще очень низкую культуру. Древнее всего культура кельтов, более молода культура германцев и еще более молодой является культура славян. Все эти народы заложили основы современных европейских народов и их культуры. Они развивались почти в непрерывном общении друг с другом, и культура одного народа влияла на культуру другого. Все эти народы когда-то были дикарями, имели ту культуру, которую мы называем культурой старого каменного века, палеолитической.

Постепенно развивая свои производительные силы, т.-е. изобретая новые и совершенствуя старые орудия, накопляя знания и умения, эти народы перешли к культуре нового каменного века, а затем к металлической культуре. Но, когда они вышли на дорогу известной нам истории, они уже владели металлическим оружием и орудиями.

Где они жили до эпохи металла—в эпоху палеолита и неолита—мы не знаем. На этот счет существуют только догадки. Но нам неизвестны также и имена некоторых народов, создавших богатую бронзовую культуру. Древние могильники сохранили нам лишь костяки и изделия, но не язык и названия этих народов.

Когда мы присматриваемся к ходу культурного развития человечества, нам бросается в глаза тот факт, что вначале культура развивается с необычайной медленностью, потом ее движение постепенно ускоряется все

более и более. Со времени появления человека на земле и до начала нового каменного века прошло по меньшей мере 200 тысяч лет. За это время люди изобрели огонь, научились выделывать каменное и костяное оружие, придумали лук и стрелы. Новый каменный век длился не менее 10—15 тысяч лет. За этот промежуток времени люди приручили животных и научились возделывать растения, стали скотоводами и земледельцами. В Европе каменный век кончился приблизительно за 1500 лет, в Египте и Месопотамии за 5000 лет до Р. Х., и с того времени движение культуры пошло еще быстрее, чему в значительной мере способствовало открытие полезных металлов и их применение к делу. За время от Р. Х. до нынешней эпохи, т.-е. за последние 2000 лет, народы Европы преуспели в культурном отношении неизмеримо больше, чем за многие тысячи лет раньше, а за 100 последних лет человеческая культура сделала успехи, оставившие за собою все, что было достигнуто за всю предшествовавшую историю человечества. Словом, чем богаче, разностороннее и сложнее становится культура, тем быстрее двигается она вперед.

КНИГИ

ПО ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

По прочтении настоящей книги у многих читателей может возникнуть естественное желание расширить или углубить свои познания по истории первобытной культуры. С целью помочь ему выбрать соответствующие пособия, здесь предлагается список наиболее подходящих для этого книг. Разумеется, вовсе нет надобности читать все указанные книги. Пользуясь указаниями на содержание книги и степень ее доступности (по изложению), читатель может выбрать, что ему надо. Звездочки обозначают степень трудности или легкости книги. Одна звездочка обозначает книги — самые легкие из всех приводимых в списке; две звездочки—книги более трудные, три—еще более трудные и, наконец, четыре—самые трудные.

Общие сочинения.

* 1. **К. М. Тахтарев.**—Очерки по истории первобытной культуры. Свыше 200 стр., с рисунками.

Наиболее ранняя ступень общественного и культурного развития человека. Бродячий образ жизни австралийцев. Первобытный брак. Древнейшая религия. Первобытное право. Тотемическое общество.

* 2. **И. Ранке.**—Доисторическая жизнь человечества. С рис. Около 80 стр.

Старый и новый каменные века. Бронзовый и железный века.

* 3. **М. Гернес.**—История первобытной человеческой культуры. С рис. Свыше 120 стр.

Что такое первобытная история. Положение человека в природе. Главные признаки человеческой культуры. Древнейшие следы человека. Новейший каменный век. Арийцы и семиты. Свайные постройки. Металлы. Бронзовый век. Гольштатский. Период Латэн.

* 4. **Л. Фробениус.**—Детство человечества. С рис. Около 400 стр.

Первобытный человек в его образе жизни, нравах и верованиях. Современные дикари.

** 5. **Буттель-Реепень.**—Из истории происхождения человечества. Первобытный человек до и во время ледниковой эпохи в Европе. С рис. Свыше 100 стр.

Геологические периоды и их подразделения. Средняя Европа перед ледниковым периодом. Обезьяноподобный человек с Явы.

Охотничья «лессовая» раса. Искусство первобытного человека. Начало земледелия и оседлости.

** 6. **М. Гернес.**—Культура доисторического прошлого. С рис. Три части (отдельными книгами), всего около 400 стр.

Каменный, бронзовый, железный век.

** 7. **И. Ранке.**—Человек. Том второй. Часть II. Первобытные расы в Европе. Стр. 441—748.

Дилювий и первобытный человек. Древнейшие человеческие жилища в Европе. Остатки человеческих костей в дилювии. Свайные постройки Швейцарии. Новый каменный век в северной и средней Европе.

** 8. **Э. Тэйлор.**—Антропология. Введение в изучение человека и цивилизации. С рис. Свыше 400 стр.

Древний и современный человек. Человеческие расы. Язык. Письменность. Житейская техника. Изящные искусства. Наука. Мир духов. Общество.

** 9. **Д. Леббок.**—Начало цивилизации и первобытное состояние человека. С рис. Свыше 350 стр.

Введение. Искусство и украшения. Брак и родство. Происхождение брака. Верования. Характеры и нравственность.

*** 10. **Ю. Липперт.**—История культуры в отдельных очерках. С рис. Свыше 400 стр.

Заботы о пище. Одежда и жилище. Общество, семья, собственность, управление и суд. Язык, письмо и счет. Область культа. Мифология.

* 11. **Липперт.**—История культуры. Сокращенное изложение Н. Андреева и Л. Щегло. С рис. 260 стр.

*** 12. **Осборн.**—Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство. С рис. 527 стр.

*** 13. **М. Ковалевский.**—Социология Том II. Генетическая социология. Около 300 стр.

Возникновение собственности, брака, семьи, верований.

*** 14. **П. Харузин.**—Этнография. Т. I и II. Около 500 стр.

Эволюция хозяйственных форм, нрава и семьи.

**** 15. **Г. Шурц.**—История первобытной культуры. С рис. Около 700 стр.

Основания культуры. Общество. Хозяйство. Материальная культура. Духовная культура.

**** 16. **Г. Обермайер.**—Доисторический человек. С рис. Около 700 стр. большого формата.

Ледниковый период. Человек древнего каменного века. Доисторические и ранние исторические периоды.

* 17. **Нидерле.**—Человечество в доисторические времена. Около 500 стр. Рисунки.

